

Е.Г. Степанян

Вильгельм Молчаливый

Драматическое переложение
«Истории Нидерландской революции»

Джона Л. Мотлея

Москва
Теревинф
2013

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

С79

Степанян, Елена Грантовна

С79 Вильгельм Молчаливый / Е.Г. Степанян. — М.: Теревинф, 2013. — 160 с. — ISBN 978-5-4212-0157-1.

«Вильгельм Молчаливый» — историческая хроника, посвященная одному из этапов Реформации, «огненному крещению» Европы в XVI столетии.

На обложке портрет Вильгельма Оранского работы Антонио Моро

С другими произведениями Е.Г. Степанян можно познакомиться на сайте автора **eg64.ru**, а также на сайтах **proza.ru** и **stihi.ru** (поиск по фамилии автора).

ISBN 978-5-4212-0157-1

© Е.Г. Степанян, 2013

© «Теревинф», 2013

Пролог

1. Военный лагерь под Сен-Кантенем. Палатки, костры, телеги, распряженные лошади, суетящиеся люди. Из города несутся шум и победные крики.

Быстро темнеет. На лагерь падает редкий дождик, но видно, как над городом началась сильная гроза. Загорелось несколько зданий, одно из них — городской собор.

Часовые у палатки, в которой содержатся пленные французские военачальники.

Внутри палатки — адмирал Колиньи лежит на походной кровати, остальные сидят в неудобных позах, не глядя друг на друга.

Старый коннетабль Монморанси, взволнованный грозой, подымается со своего места и выглядывает наружу.

Коннетабль (*опуская полог палатки*). Да, необыкновенный день! Граф Эгмонт поистине великий полководец! Только великим бывает такая удача! Я нисколько не стыжусь, что оказался побежденным.

Маршал Сент-Андре. Вам ничего другого не остается, господин коннетабль.

Колиньи (*прислушиваясь, подымается с кровати*). Что там происходит?

Коннетабль. Собор горит. Но его уже тушат.

Колиньи встает и бросается к выходу. Шагах в двадцати от палатки движется процессия изможденных людей — женщин с маленькими детьми и стариков.

Колиньи (*пытаясь выйти из палатки*). Что это значит? Куда гонят этих людей?

Фламандский офицер (*преграждая ему путь*). Простите, господин адмирал, вам нельзя отсюда.

Колиньи. Я спрашиваю, куда гонят этих людей?

Офицер. Приказ его величества короля Филиппа. Город должен быть очищен от всех, кто не говорит по-фламандски.

Колиньи. Они же на ногах не стоят! Они чуть с голоду не умерли во время осады!

Офицер. Французы в течение многих лет занимали этот город незаконно. Теперь он должен навечно стать фламандским!

Колиньи (*его трясет в лихорадке, он возвращается на свое место*). Мужчин убили всех до одного! Неужели мало!

Коннетабль (*кладя ему руку на плечо*). Успокойтесь, друг мой! Вы тяжело больны. И все знают, что вы были больны еще перед началом сражения.

Колиньи (*не слушая его*). Боже, какой позор!

Коннетабль. Ну полно вам! Какой же тут позор? Даже на турнире успех может зависеть от случайностей. А это ведь война! (...) Ничего, мы же с вами не навечно

в плену! Успеем еще поддержать честь Франции и свою собственную! (...) Но сегодняшний день принадлежит графу Эгмонту!

Входит фламандский офицер.

Офицер. Господа! Его величество лично распорядился сообщить вам, что пожар в соборе удалось потушить. Мощи святого Квентина для большей безопасности перенесены в специальное укрытие. Их вернут на место, как только станет возможным.

Колиньи. Нет, я сейчас сойду с ума!

Коннетабль. Дайте же ему воды! (*Адмиралу дают напиться.*) Ах, скорее бы нас отсюда увезли! Вам известно, что мы поедем в Антверпен? Вам приходилось там бывать, маршал?

Маршал Сент-Андре. Нет, никогда.

Коннетабль. Что ж, готовьтесь увидеть множество чудес!

Маршал. Я бы предпочел попасть туда менее унижительным образом.

Коннетабль. Антверпен — это столица мира! Он любит чужестранцев, он не мыслит себя без них! Ручаюсь вам, вы ни одной минуты не почувствуете себя в плену!

2. Город Антверпен празднует заключение мира с Францией. Сквозь бесчисленные триумфальные арки едут король Филипп и все его военачальники. Под ноги их коней летят цветы. Улицы полны народа. Во всех окнах, на крышах, на деревьях — множество людей.

Крики. Слава королю! Слава графу Эгмонту! Слава победителям!

Герцог Альба бок о бок с графом Гоохстратеном въезжают под арку, украшенную трубящими тритонами.

Альба (*поднимая глаза на тритонов*). А кто же оплачивает все это?

Гоохстратен. Антверпенский магистрат, конечно!

Альба. А кому же идут деньги?

Гоохстратен. Гильдии живописцев. О, в этом городе умеют жить, не сомневайтесь, герцог!

Человек в толпе подымает повыше ребенка.

Человек с ребенком. Смотри, смотри! Вот это король так король! И Испания его, и Фландрия его, и Америка, и Индия, и эта, как ее!..

Стоящий рядом. Все равно у отца его больше было¹!..

Человек с ребенком. Ничего, нам бы и этого хватило.

Крики. Слава великому Эгмонту! Слава герою! Слава королю!

Разговор в толпе.

Первый. Французы нам вернули семьдесят городов!

Второй. Ну, я тебя поздравлю! Будешь жить во всех них сразу.

¹ Отец Филиппа II Карл V был также германским императором. При отречении от престола он передал императорскую корону своему младшему брату Фердинанду.

В одном из окон — бородатый мужчина и четверо ребятишек.

Бородатый (*еле шевеля губами*). Вот он, мучитель наших братьев! Антихрист и сын антихриста. (*Детям.*) Нечего вам на него смотреть! Отойдите отсюда!

Другое окно, битком набитое людьми.

Один (*объясняет всем прочим*). Вон с длинной рожей — это герцог Альба. А рядом, маленький, — это наш Гоохстратен.

Другой. А вот наш принц Оранский! Эх, стать бы ему наместником Брабанта², а без этих мы бы как-нибудь обошлись. (*Кричит, чуть не вываливаясь из окна.*) Слава принцу Оранскому!

Крики на улице. Слава фламандским героям! Слава графу Эгмонту! Слава королю! Слава королю!

Вечером в ратуше. Входят епископ Гранвелла, граф Эгмонт, принц Оранский и герцог Аршот.

Гранвелла. Ну что ж — все довольны, все счастливы!

Вильгельм (*улыбаясь Эгмонту*). И все жаждут видеть того, кому они обязаны этим праздником!

Гранвелла. Однако не забывайте, господа, что главным

² Нидерланды того времени состояли из семнадцати провинций, каждая из которых возглавлялась штатгальтером. Брабант, самая крупная и богатая провинция, своего штатгальтера не имел и подчинялся непосредственно главному правителю, находившемуся в Брюсселе.

источником мира явилось поистине нечеловеческое великодушие его величества! В самый разгар побед — первым протянуть руку побежденному! Отказаться даже от клочка завоеванной земли! История не знает подобных примеров.

Эгмонт. А вам не кажется, епископ, что без победы побежденных не бывает?

Вильгельм (*примирительно*). Несомненно, великие полководцы прокладывают дорогу королевской славе и королевскому великодушию.

Гранвелла. Себя вы, принц, как видно, к ним не причисляете?

Вильгельм. Мне довелось взять в плен герцога де Лонгвиля в минувшую кампанию, но боюсь, что я обязан этим исключительно его любезности.

Гранвелла. Вы прирожденный миротворец, принц! Этим путем идут те, кто целиком полагается на собственную мудрость, а не желает зависеть от случайности, этого сомнительного союзника. Злые языки говорят, что если бы Колиньи вовремя не подхватил свою лихорадку, то еще не известно, как бы все повернулось под Сен-Кантенем. (*Любезным тоном.*) Глупости, конечно, но забавно! (*Беря принца под руку.*) Кстати, насчет вашей поездки во Францию... (*Отводит его в сторону.*)

Эгмонт (*Аршоту*). Ненавижу эту рожу!

Аршот. Осторожно, граф! Король никому так не доверяет, как Гранвелле.

Эгмонт. Конечно! Мы с вами меньше потрудились для его славы.

Гранвелла (*принцу*). Его величество не один раз говорил мне, что он глубоко огорчен тем, что его крестники так рано остались сиротами! Срок траура уже кончился, вам надо подумать о новой женитьбе!

Вильгельм. Я очень тронут королевской заботой! Я и сам понимаю, что мне придется жениться. Но, к сожалению, эта мысль пока не доставляет мне радости.

Гранвелла. Как только вы сделаете выбор, вам сразу же станет легче! Доверьтесь моему житейскому опыту. И очень будет хорошо, если вы сделаете этот выбор во Франции. Вы доставите удовольствие нашему государю, поскольку он сам сейчас женится на французенке, а Генрих Второй будет просто в восторге! Вы покорили его своим дипломатическим искусством. Когда он выбирал себе заложников, он прежде всего потребовал вас, а не кого-нибудь из наших вояк.

Вильгельм. Могу сказать вам почему, мой добрый друг. Выяснилось, что мы с королем оба страстные любители соколиной охоты.

Входит герцог Альба.

Альба. Что, господа, все в сборе, можно хоть сейчас отправляться в Париж. Зачем только французу понадобилось столько заложников? Не понимаю, что мы там будем делать вчетвером!

Аршот. Веселиться, герцог! Чем еще заниматься при французском дворе.

Альба. Я предпочитаю работу всякому веселью.

Эгмонт. В Париже мы постараемся вам не мешать! Не правда ли, принц?

Альба. Очень на это надеюсь!

За окнами блестит фейерверк. Слышатся крики и треск хлопушек.

Аршот. Вы слышали? Этот праздник будет длиться целых девять дней! *(К Альбе.)* Мы собираемся в город. Поедемте с нами, герцог! Такое можно увидеть только здесь! На всех площадях стоят жаренные быки, вино течет прямо по улицам!

Альба *(тоном весельчака, подмигивая Гранвелле).* Благодарю вас! Я человек небогатый, но есть предпочитаю за собственный счет.

3. Замок Стен, огромный, похожий на скалу. Комната в замке. Мужчина и женщина средних лет склоняются над спящим адмиралом Колиньи.

Колиньи *(кричит во сне).* Не отступать! Мы будем стоять насмерть!

Женщина. Разбуди его! Доктор сказал, надо сразу же будить!

Мужчина. Проснитесь! Проснитесь, господин адмирал!

Колиньи *(просыпаясь).* Опять я кричал? Ну ничего, скоро пройдет. *(Тонем заговорщика.)* Это болезнь не к смерти. *(Тихонько пожимает руку фламандцу, тот отвечает ему понимающим взглядом.)*

В дверь заглядывает молоденькая девушка.

Девушка *(робко).* Там прибыл принц Оранский навестить господина адмирала!

Соседняя комната. Принц направляется в спальню Колиньи. Семья фламандцев низко кланяется ему.

Вильгельм. Этот замок весьма почтенное место, но мне кажется, что его сырые стены и не дают вам выздороветь окончательно. Я прошу вас, господин адмирал, сегодня же переехать в мой дом. Право же, раз война окончена, то нет никакой надобности в подобной цитадели!

Колиньи (*пристально взглядываясь в его лицо*). Значит, по вашему, война окончилась? Но наступил ли мир?

Вильгельм. Вы хотите сказать, что не верите в искренность договаривающихся сторон?

Колиньи. Я говорю о другой войне! О той, что началась с сотворения мира и продлится до Судного дня. И каждый, кто родится на свет, в ней участвует, даже если он об этом не подозревает.

Вильгельм. Простите, дорогой адмирал, эти люди, которые ухаживают за вами, — они религиозные сектанты?

Колиньи (*с искренним удивлением*). Почему вы так решили?

Вильгельм. Мне трудно предположить, что вы усвоили подобные обороты речи при французском дворе!

Колиньи. Представьте себе, что даже там можно услышать слово истины! Но я был слеп и глух! Теперь-то я понимаю, что поражение, и плен, и эта болезнь были мне ниспосланы для того, чтобы я прозрел!

Вильгельм (*кивая в сторону двери*). Вы можете передать им мое восхищение. Мастерская работа!

Колиньи (*спохватившись*). Вы собираетесь об этом сообщить?

Вильгельм. Вообще-то, доносчику причитается половина имущества еретика. Но вы меня, конечно, не подозреваете, что я хочу разбогатеть подобным образом?

Колиньи (*смущенно*). Извините меня, принц! У меня слишком долго была лихорадка.

В соседней комнате. Пожилой фламандец стоит, прижавшись ухом к двери. Входит девушка.

Девушка (*испуганно*). Что ты делаешь, отец?

Отец (*спокойно*). Слушаю их разговор. Принц Оранский — наследственный бургграф Антверпена. Нам надо знать, что он думает!

Девушка. Сейчас время давать ему лекарство! Как же быть?

Отец (*посторонившись*). Проходи!

У Колиньи. Девушка смущенно, ни на кого не глядя, подносит адмиралу питье, принимает у него пустую чашку и выходит. Принц Оранский ласково, но бесцеремонно рассматривает ее.

Вильгельм (*вслед девушке*). А вот и главный проповедник!

Колиньи (*горячо*). Принц, эта девушка чиста, как ангел!

Вильгельм. Друг мой, любого, кто в этом усомнится, я готов вызвать на поединок!

Колиньи (*после некоторого замешательства*). Знаете, принц, я, к своему стыду, плохо разбираюсь в людях, но даю вам слово, что вы мне внушаете необыкновенное доверие... (*Он достает из шкафа толстую книгу и кладет перед принцем.*) — Вот!

Вильгельм. Это Библия, надо полагать?

Колиньи. Да, на вашем родном языке!

Вильгельм. Мой дорогой Колиньи, в свое время меня с большим усердием обучали латыни, и я ее до сих пор не забыл. Но, поверьте мне, я не вижу никакого преступления в том, что другие не знают латыни и даже не желают ее знать.

Колиньи. Но за чтение этой книги людей отправляют на костры!

Вильгельм. Мне это известно. А еще я могу вам сообщить, что все эти меры являются незаконными.

Колиньи. Как это — незаконными?! Они же спускаются сверху! Все королевские эдикты только об этом и гласят!

Вильгельм. В этой стране, мой друг, уже несколько веков законом является только то, что принято общим собранием представителей всех сословий. Вам не кажется, что это справедливо? Ведь у отдельных людей, как бы высоко они ни стояли, всегда может найтись повод превратить страну в живодерню.

Колиньи. А почему я ни от кого, кроме вас, об этом не слышал?

Вильгельм. Люди забывчивы, адмирал, и очень заняты своими делами. *(Прохаживается по комнате.)* Скажите, а ваши друзья *(указывает на дверь)* никогда не рассказывали вам, сколько здесь, в Антверпене, их единомышленников?

Колиньи. Принц!!!

Вильгельм. Их здесь десятки тысяч! И хотя они знают,

что им грозит костер, они не очень-то стараются скрыть свои убеждения.

Колиньи. Вера сделала их свободными.

Вильгельм. Я не берусь оспаривать это утверждение! Но я твердо знаю другое — в их жилах течет не рабская кровь! Можно не изучать конституций и законоположений, но ощущать нутром, что тот, кто пытается насилловать вашу совесть, так же незаконен, как вор, лезущий в окна. Теперь, когда окончилась война...

Колиньи. Да поймите же, она только начинается! Вот, я прочту вам сейчас одно место. *(Начинает листать Библию.)* Ну ладно, в другой раз!

Принц, не дождавшись окончания его поисков, подходит к окну. С высоты замка видны город и антверпенский порт. В устье Шельды входит маленькая флотилия. Белые паруса сверкают на солнце.

Вильгельм *(тихо)*. За что вы так любите войну? Вот, посмотрите на этот город! — Он живет от всего мира! Любая война, где бы она ни шла, идет ему в ущерб. А теперь в нем разжигается вражда, которая может не оставить здесь камня на камне!

Колиньи. Есть такое направление, которое совсем запрещает воевать... Они даже не обороняются, оружия в руки не берут — поднявший меч от меча и погибнет... Что вы об этом думаете?

Вильгельм. Ничего не думаю!

Колиньи. А мне приходится думать день и ночь! Понимаете, ведь выбор сделать необходимо, а ошибиться при этом никак нельзя!

4. Соколиная охота. Сокол преследует цаплю. По берегу реки мчится блестящая кавалькада. Всадники достигают леса и рассыпаются по нему.

Двое всадников (король Генрих и принц Оранский), отделившись от остальных, оказываются в маленькой роще.

Король Генрих. Вот здесь и подождем этих красавцев!

Нас, наверное, будут искать — ничего, пускай поищут. — Великолепная охота! Ваши кречеты, ваши сокольникчи, принц, — выше всяких похвал!

Король испанский, наверное, сделает вас правителем Нидерландов?

Вильгельм. По всей вероятности, его величество назначит на этот пост свою сестру герцогиню Пармскую³.

Король Генрих. Ничего, вы еще успеете себя проявить. Сколько вам лет?

Вильгельм. Двадцать шесть, сир.

Король Генрих. О вас говорят, что когда вы были совсем еще ребенком, покойный император спрашивал ваших советов и не стыдился в этом признаваться.

Вильгельм. Я слышал эту легенду, сир, но, право же, не знаю, кто ее придумал. Покойный император действительно относился ко мне отечески и даже удостаивал личных занятий.

Король Генрих. Вот как, вы, оказывается, еще и скромны! Редкое качество в наше время, когда всеобщая наглость дошла нам вот до сих пор! *(Проводит рукой по горлу. Затем озирается вокруг и продолжает негромко и взволнованно.)*

³ Маргарита Пармская — побочная дочь императора Карла V.

Слушайте, принц, я давно уже хотел поговорить с вами на эту тему вместо того, чтобы выслушивать этого солдафона герцога Альбу. В конце концов, и он, и даже Эгмонт — это всего лишь руки короля! Головы — это вы с Гранвеллой!

Поймите меня, я свято верю в искренность Филиппа, я просто преклоняюсь перед его непримиримостью в делах религии, но есть вещи...

Совсем близко раздается шум охоты. За деревьями мелькают всадники. Слышны крики: «Сир! Отзовитесь!» Король делает принцу знак не отвечать. Всадники исчезают. Король подъезжает к Вильгельму вплотную.

Король Генрих. Вы должны взять это на себя! Вы блестяще знаете людей, вы сумеете объяснить ему, как никто другой. Характер испанцев совсем иной, чем у фламандцев! О французах я уже не говорю! Нельзя, поймите, нельзя применять к ним одни и те же методы!

Вот он решил во что бы то ни стало ввести в Нидерландах испанскую инквизицию. Надеюсь, вы не станете меня уверять, что вам по вкусу эта затея?

Вильгельм (*ошеломленный этим сообщением, он отвечает не сразу*). Нет, сир!

Король Генрих. Вот видите, о ней знает сейчас едва ли семь человек, и уже двоим она представляется по меньшей мере сомнительной! А когда это будет обнародовано, представляете, какой поднимется крик?

Вильгельм. Представляю!

Король Генрих (*делая широкий жест*). Разве мы со своей стороны не стремимся пресечь распространение ереси? Но что это дает? Мой бог! Со дня выхода последнего эдикта казнили восемнадцать еретиков. Да я сегодня

ня же во время обеда насчитаю вам вдвое больше за королевским столом. Принцы крови! Командующие армией! Он думает испугать их своей инквизицией!

А в Нидерландах! Пускай тамошние еретики сплошь землекопы и угольщики, я прекрасно знаю, что они мнят о себе и своих правах не меньше, чем французские дворяне! (*Самодовольно.*) Да, мой друг, не удивляйтесь! Пока мой сын и брат король испанский простаивал на коленях в своей молельне, я неплохо изучил положение дел в Европе!

Нам предстоит тяжелая борьба. Борьба не на жизнь, а на смерть! Я не испанец и не ханжа. Я не собираюсь, как король Филипп, войти по трупам еретиков в Царствие небесное. На сегодняшний день с меня вполне хватит земных забот! И я ищу в вас союзника, принц, не только из уважения к вашим способностям. Ведь вы же не вчерашний выскочка и не простой землевладелец!

Если собрать воедино все ваши земли, разбросанные по трем королевствам, то получится недурной островок. Нам с вами есть чем рисковать! А риск велик, очень велик! Достаточно сделать ошибку в самом начале, и мы даже не заметим, как эта шутовская погоня за еретиками, с торжественными кострами и прочей мишурой, обернется самой настоящей гражданской войной. И я отнюдь не могу поручиться за ее исход, и вы тоже, принц, и каждый, у кого голова на плечах, а не где-то еще!

Снова слышатся крики охотников. Над головами короля и Вильгельма мечется стая чирков. Сокол, падая на них сверху, гонит их дальше.

Король Генрих. Мой план гораздо надежней! Жестче! Но выполнить его можно только в том случае, если наши

с Филиппом действия будут полностью согласованы. Иначе нас ждет провал и все, что за ним следует.

Смотрите, что я предлагаю. — Гонения временно прекращаются! Можно дать им письменные гарантии, можно и не давать — сделать вид, что все пошло само собой! Это все детали, не в этом дело! Главное — чтоб они почувствовали безопасность, выползли из нор, куда мы сами их загнали. Затем наступает самое трудное. Знаете, как делается лекарство? Одна лишняя крупинка может превратить его в яд! Так и здесь. Надо отмерить время с точностью аптекаря, чтобы одна лишняя минута не дала им перевеса! Вот в этот промежуток можно использовать вашу инквизицию, пусть только она временно попридержит свой пыл. Пусть составляют списки, пусть выявляют тех, кто еще не примкнул к еретикам, но уже колеблется или просто сочувствует им. — Все, все должны быть уничтожены — без всяких там комедий и судебной волокиты, а решительным ударом, в один день, а еще лучше ночью и непременно в обеих странах сразу! — О-о! Чтоб уничтожить эту язву, надо резать глубоко, глубоко! Чисто! Не то что следа не останется — вспомнить будет нечего! *(Переводит дыхание.)* Вы что-то хотите возразить, принц?

Вильгельм *(медленно)*. Насколько я понимаю, сир, речь идет о предприятии чрезвычайно обширном по своим масштабам. А в подобных случаях, как известно, резко возрастает число непредсказуемых результатов, чаще всего нежелательных.

Король Генрих. Самые нежелательные результаты, дитя мое, мы получим тогда, когда эти господа сделают с нами то, чего мы не успеем сделать с ними! *(Принц молча улыбается.)* Ну хорошо, тогда я скажу вам сам! —

Подобные предприятия не новы в истории, хотя о них принято не вспоминать. Но те, что помнят, знают, что после таких грандиозных кровопусканий очень сильно увеличивается рождаемость. — Так что не бойтесь! За-растет! Оглянуться не успеете!

Сокол настигает цаплю и бьет ее клювом изо всех сил. Цапля падает, испуская страшный крик. В воздухе кружатся окровавленные перья. К месту падения цапли бежит сокольник.

Король Генрих и принц выезжают из лесу. Навстречу им скачет всадник — герцог де Монпансье.

Герцог. Сир, я уже не знал, что думать!

Сокольник с мертвой цаплей в руках бежит навстречу королю.

Король Генрих (*принимая цаплю от сокольника*). Попа-лась, еретичка!

Полянка — место сбора охотников. Под деревом сидит пышно одетая дама. Все складывают свои трофеи к ее ногам.

Принц Конде (*Вильгельму*). Что с вами, принц? Вы бледны как смерть!

Вильгельм. Цапличий пух попал мне в горло.

Принц Конде. Вам надо выпить вина! (*Вертит свою флягу, она пуста.*) Сейчас!

Король Генрих (*герцогу де Монпансье*). Кузен, предупредите принца Оранского!

Герцог (*подходит к Вильгельму*). Принц, имейте в виду, что

принц Конде — первый еретик во всем королевстве!
(Вильгельм знаком дает ему понять, что все будет в порядке.)

Рыцарский турнир. Разукрашенные ложи полны наряженных дам и кавалеров. На арене — схватка всадников, закованных в латы.

Принц Оранский входит в одну из лож.

Альба *(удивленно)*. Что это, принц! Вы не участвуете в турнире? Я-то думал, что вы там! *(Указывает в сторону палатки участников.)*

Вильгельм. Я нездоров!

Альба *(покачивая головой)*. Молодежь!

На арене.

Герольд. В следующем поединке сразятся Генрих, король Франции, и сир Джон Монтгомери, английский рыцарь!

Зрители наблюдают за поединком. Монтгомери наносит удар копьем.

Король падает на землю.

В ложах. Все в замешательстве. Многие повскакали с мест. Крики — «Как! — Нет! — Не может быть! — Великий Боже!» Всеобщая сумятица нарастает. Слышны рыдания. Ложи пустеют. Принц Оранский уходит последним.

Глава первая

1. Всадник на белом коне выезжает на дорогу, ведущую к укрепленному городу. Ему навстречу во весь опор несутся четверо всадников. Один из них (Людвиг Нассау) опережает других.

Людвиг (*размахивая шляпой*). Благородные графы Нассау приветствуют принца Оранского у стен его доброго города Бреды!

Два других благородных графа — мальчики четырнадцати и двенадцати лет — подъезжают к ним. С криком «Сдавайтесь, принц!» они вскарабкиваются на его коня, целуют принца, виснут у него на шее.

Вильгельм. Не так-то это просто!

Схватив старшего поперек туловища, он перебрасывает его на другую лошадь. Младший так и остается сидеть позади него, прижавшись к его спине. Последним подъезжает граф Иоганн.

Иоганн. Как я счастлив, что наконец вижу тебя, Виллем!
Что мы все вместе видим тебя!

Братья идут по каменной террасе замка. Впереди — Вильгельм и Людвиг, за ними — Иоганн с двумя мальчиками.

Людвиг. Все возмущены до предела! Ни о чем другом уже не говорят! По-моему, надо переходить к решительным действиям. Не станем же мы спокойно смотреть, как инквизиция врывается в дома беззащитных и тащит их на костер! Мы никогда этого не допустим!

Вильгельм. Кто — мы?

Людвиг. То есть как? Все порядочные люди! Все, у кого в груди благородное сердце!

Вильгельм. И много ты уже набрал таких сердец?

Людвиг. Все мои друзья, ваша светлость, полностью разделяют мои взгляды!

Вильгельм. А как вы собираетесь воздействовать на тех, кто не разделяет ваших взглядов?

Трое старших братьев располагаются в большой комнате.

Людвиг. Прежде всего, Виллем, я хотел бы узнать, что собираешься делать ты. Конечно, этот дьявол Гранвелла забрал всю власть в свои когти — но когда в Государственном совете сидят такие люди, как ты и Эгмонт! Всем же ясно, что вы так просто ему не сдадитесь! Ведь для вас инквизиция — это просто личное оскорбление! Собственно, как и для каждого фламандца!

Вильгельм. Видишь ли, мой мальчик, так как я поставлен штатгальтером трех провинций, а также занимаю другие государственные должности, то я считаю своим первейшим долгом поддерживать законы этой страны, освященные временем и обычаем. Решение прави-

тельства учредить новые епархии — или же, по сути дела, ввести повсеместную инквизицию, — противоречит этим законам.

Людвиг. Оно прежде всего противоречит законам человечности!

Вильгельм. А ты мог бы кому-нибудь объяснить, что такое человечность, Людвиг?

Людвиг. Ну, это...

Вильгельм. И не пытайся! Те, кто это знает, ни в каких объяснениях не нуждаются! А вот для тех, кто нуждается, существуют законы, записанные на пергаменте.

Вот, все всполошились, когда увидели инквизицию у своих дверей! Еще бы! При этой системе никто не уверен в своей безопасности. — Инквизиция не знает правых, ей нужны только виноватые, а чтобы их число не уменьшалось, у нее есть много способов.

Что и говорить, когда из-за случайно брошенного слова, взгляда можно попасть на костер, то жизнь становится невыносимой! А как быть, когда туда попадают за доказанные преступления — за веру?

Преследования еретиков ведутся десятки лет, хотя этим прямо нарушается конституция, особенно хартии Брабанта и Голландии. Конечно, в провинциях не идет такая бойня, как в Турнэ, но тоже нет-нет да и сожгут кого-нибудь живьем! А как быются при этом благородные сердца?

Людвиг. Виллем, ты говоришь это мне? Ты знаешь меня с детства! *(Сжимает кулаки.)* Да когда я вижу, как обижают слабых, я просто не знаю, что я готов сделать!

Вильгельм. Надо знать. Ты уже взрослый.

Иоганн (*стоя у окна*). Я с этим не могу согласиться! Эти господа, по-моему, тоже!

Он указывает во двор. Принц и Людвиг отходят к окну: во дворе их младшие братья играют в военную игру. Завидев Людвига, они машут ему, чтобы он шел к ним. Он быстро отворачивается.

Людвиг (*к Вильгельму*). Как же, по-твоему, будут развиваться события?

Вильгельм. В тех местах, где выполнялись королевские эдикты, гонения станут еще более жестокими! Там же, где им сопротивлялись, — надо надеяться, это сопротивление возрастет!

Людвиг. Да, а во Франции на это смотрят по-другому! Там решили во что бы то ни стало добиться полного равноправия для протестантов. Они готовы выступить в любую минуту. Все силы собраны. — Я располагаю точнейшими сведениями обо всем, что там происходит.

Вильгельм. Что ж, мне очень лестно, что ты пользуешься таким доверием у гугенотов!

Иоганн. Это они пользуются его доверием! Они испрашивают его благословения на каждый свой шаг.

Вильгельм (*помолчав*). Я не считаю войну лучшим способом решать все проблемы, граф Людвиг! Из всех возможных войн гражданская — наихудшая! Как же я могу на нее согласиться, когда я ясно вижу, как ее избежать?

Людвиг. А ты не допускаешь, что может случиться так, что твое миролюбие ни в ком не найдет поддержки?

Вильгельм. Допускаю.

Людвиг. Что же тогда?

Вильгельм. Тогда, как и сейчас, я не стану скрывать от тебя своих намерений, мой мальчик!

А пока что я хочу обсудить с вами семейные дела. Я собираюсь жениться! Но для этого мне предстоит уладить некоторые дипломатические моменты. Я хочу просить вас выступить в качестве посредников, но предупреждаю, что дело это будет не из легких!

Иоганн. Мы очень внимательно слушаем вас, ваша светлость.

Вильгельм. Я намерен просить руки Анны Саксонской, дочери покойного Морица⁴, племянницы нынешнего курфюрста.

Людвиг и Иоганн вскакивают со своих мест.

2. Брюссель. Кабинет правительницы. Маргарита Пармская, кардинал Гранвелла и президент Тайного совета Вилиус.

Маргарита (*швыряя на стол бумаги*). Мне кажется, принц Оранский затеял эту женитьбу только затем, чтоб отвлечь нас от более важных дел!

Гранвелла. Ну-ну! Это не так-то легко сделать.

Маргарита (*плаксиво*). Тридцать восемь лет прожила я на свете, я даже вообразить не могла, что существует та-

⁴ Мориц Саксонский возглавил военный союз протестантских князей против Карла V и своими успешными действиями вынудил его установить в Германии относительную веротерпимость.

кая черная неблагодарность! Покойный император просто не знал, какими еще благодеяниями осыпать своего Молчаливого! И это для того, чтобы он женился на дочери Морица Саксонского!

Вилиус. А что пишет его величество по этому поводу?

Маргарита (*поворачиваясь спиной к Вилиусу*). Нет, кардинал, вот вы все знаете, скажите мне откровенно — зачем ему понадобилась эта девка? — За первой женой он получил чуть не пол-Голландии! А тут что? При его доходах и его замашках! Разве это приданое? Одну неделю погулять, как здесь принято, — от него и гроша не останется!

Гранвелла. Что же, кто-нибудь более злой и менее проницательный, любезная герцогиня, сразу бы сказал, что принц Оранский замыслил мятеж, а где же в таком случае взять помощь, как не в Германии? (*Делает выжидательную паузу.*) Но я глубоко убежден, что это не так! — Наш мудрый Виллем человек не воинственный. Правда, его сжигает страсть к интриганству, но это совсем другое дело! Нет-нет, крайне глупо было бы с его стороны ввязываться в такое предприятие. Он ведь прекрасно знает, что каждый его шаг контролируется, что в любой момент он в наших руках. Кроме того, он связан величиной и характером своей собственности. Эти земли, которые достались ему со всех сторон — нельзя же их сунуть в карман и убежать за границу!

Вилиус. Нет, я все-таки сомневаюсь, что этот брак состоится! В конце концов, курфюрст Мориц давно в могиле, но ведь принцесса — родная внучка ландграфа Гессенского! Неужели он даст согласие! Я в свое время имел очень слабое касательство к его аресту, но те-

перь, ей-богу, ни за что бы не хотел оказаться с ним
(*озирается*) в одних стенах!

Маргарита. Ничего! Молчаливый такой хитрец, он само-
го черта уломает, если ему понадобится! (*Плаксиво.*)
Его величество тоже выразил надежду, что это сватов-
ство расстроится! Такое оскорбление памяти отца!
Мне кажется, сам Лютер причинил ему меньше зла,
чем Мориц Саксонский!

Вилиус. Да нет, нет! Ничего этого не будет! Ну, посудите
сами! (*Понижая голос*) Как бы мы к этому ни относи-
лись — вы понимаете, о чем я? — но они-то знают, за
что они воевали! Да они ни за что на свете не отдадут
свою принцессу за католика!

Маргарита. Да он еретик! Скажите, кардинал! Я просто
уверена, что все фламандские главари — отъявленные
еретики! И принц, и Эгмонт, и этот лысый голодранец
граф де Горн!

Гранвелла (*сквозь зубы*). М-да, скоро мы будем иметь удо-
вольствие полюбоваться на это ничтожество.

Вилиус. Нет, ваше высочество, это уж слишком! Они, ко-
нечно, люди дерзкие и самонадеянные, но все же не
еретики!

Гранвелла. Я целиком присоединяюсь к господину пре-
зиденту. Ведь что такое еретики? Это тупоумный скот,
который смотрит в рот своим проповедникам! А наш
принц Оранский искренне убежден, что умнее его нет
никого на свете.

Маргарита. Он так прямо и заявляет?

Гранвелла. Ах, дорогая герцогиня! Ваш великий отец

прозвал его Молчаливым не потому, что он не умеет говорить. Но молчать он умеет еще лучше!

Входит Барлемон.

Барлемон (*кланяясь*). Ваше высочество! Господа! Прошу извинить мое опоздание, но я боялся, что вовсе не приду сюда!

Вилиус. Как я вас понимаю! Сейчас всех, кого только можно, заваливают жалобами.

Маргарита. По-моему, барон, вы сами сейчас говорите, как жалобщик!

Барлемон. А вы считаете, мадам, что у меня нет для этого оснований? Вам известно, что я намерен в любом случае поддерживать любые меры правительства. Такова моя присяга. Но выражать восторги я не собираюсь!

В стране нет ни одного человека, которого бы не затронули так или иначе все эти... нововведения! А я, представьте себе, тоже не на небе нахожусь! Имейте в виду, кардинал, что все в один голос обвинят вас!

Гранвелла. Я даже не стану отвечать на подобные обвинения! Король задумал учредить новые епархии еще семь лет назад, а первым, кому он об этом сообщил, был маркиз де Берген!

Барлемон. Возможно! Но сейчас Берген кричит громче всех, что инквизиция — это позор рода человеческого, а вас, мой друг, прошу прощения, многие с радостью разорвали бы на куски!

Наступает неловкое молчание.

Маргарита. Ну хорошо, барон, вы все-таки скажите конкретно, чем недовольны вы? Вас-то ни в чем не обви-

няют? Неужели вы боитесь криков? Рано или поздно они все равно замолчат!

Барлемон. Крики! Стране грозит разорение, мадам! (*Протягивает ей пакет.*) Вот, я составил полный доклад! Не для того, чтобы его зачитывали в Государственном совете, но чтоб вы меня потом не обвинили, что я вас не предупреждал!

Гранвелла. Да, те, кто творит историю, не боятся временно пожертвовать какими-нибудь благами! Но не каждому дано это понять!

Барлемон. Совершенно верно! И я очень боюсь, что пока будет твориться история, мои дети останутся без куска хлеба!

Маргарита (*делавшая вид, что читает его доклад*). Ну что же, ваши доводы вполне убедительны! Ни для кого не секрет, что с учреждением новых епархий будет связано некоторое перераспределение доходов! Возможности наши неограничены, и вообще, угодить всем никогда нельзя! Но почему это должно отразиться на вас? Неужели мы станем отдавать кому-то хорошие места в обход вас и ваших детей? И я никак не могу понять, почему все так всполошились по поводу инквизиции? Там ведь тоже служат люди, а не изваяния!

Барлемон (*вздыхая*). Нет, что ни говорите, инквизиция — это ужасно! Если б не эти сектанты! Если б они не размножались с каждым часом!

Маргарита (*кокетливо*). Это вам так кажется, барон! А вот принц Оранский считает, что их здесь слишком мало, что надо бы еще привезти из Германии!

3. Брюссель. Дворец Нассау. Двое всадников спешиваются у парадного входа.

Огромный вестибюль дворца. Симонсен — управляющий принца — спешит навстречу прибывшим посетителям.

Симонсен (*пожимая руку старшему*). Как я рад вас видеть, дорогой ван Стрален! Как обрадуется его светлость!

Ван Стрален⁵. Это (*указывая на своего спутника*) Ян Рубенс, мой новый помощник.

Симонсен (*пожимая руку второму*). Все антверпенцы — желанные гости в этом доме. А тем паче отцы города!

Ван Стрален. Мы боимся, Симонсен, что скоро они станут гостями совсем в других местах. И не очень-то желанными.

Симонсен. Что, уже разбегаются?

Ван Стрален. К этому идет!

Симонсен. Да, ничто так не огорчает принца, как эмиграция!

Ван Стрален. Сейчас главное, чтоб Антверпен избежал инквизиции! Мы действуем по плану, составленному его светлостью, но правительница с кардиналом вылавливают наших гонцов. Недавно посольство в Испанию перехватили. Я решил теперь все, что можно, делать сам.

Симонсен. У его светлости сейчас граф Эгмонт.

Ван Стрален. Прекрасно! Он нам тоже очень нужен!

Рубенс (*строго*). Простите, господин ван Стрален, вы на-

⁵ Ван Стрален — бургомистр Антверпена.

правлялись сюда, чтобы говорить с принцем Оранским!

Симонсен. Мне нравится ваш молодой друг, ван Стрален! Сразу видно настоящего брабантца! — А где же ваш багаж?

Ван Стрален. Нет-нет! Здесь и без нас хватает постояльцев!

Симонсен. Комнаты графа де Горна стоят пустые.

Ван Стрален. У нас поговаривают, что Горна вообще не выпустят из Испании.

Симонсен. Здесь тоже так думали одно время, но теперь есть сведения, что в Мадриде решили по-другому. Это называется мудрая испанская политика! Они вынуждали адмирала содержать из года в год чуть ли не весь военный флот, — вот и довели до полного разорения. Но жизнь его, как видно, решили подарить фламандскому народу.

Входит просто одетый человек, низко кланяется Симонсену и гостям и, взбежав по боковой лестнице, исчезает за дверьми. Оттуда слышатся шум и возгласы. Рубенс бесцеремонно следует за новым посетителем и заглядывает в ту же дверь.

В огромном зале накрыты длинные столы. За ними — множество народа. «Здоровье короля! Здоровье графа Эгмонта!»

Рубенс. А правда, господин Симонсен, что у вас днем и ночью накрыты столы и кормят всех без разбора?

Симонсен (*возмущенно*). Кто это говорит? Ночью! Этого еще не хватало! Ночью!

Ван Стрален. А скоро свадьба?

Симонсен. Этого, увы, никто не знает.

Ван Стрален. Что, его испанское величество не дает согласия?

Симонсен. А кто его спрашивает? Его известили из чистой любезности! Его светлость член империи, а не чей-то подданный! — Нет, это все старик ландграф! Он ненавидит Гранвеллу просто до безумия!

Рубенс (*захохотав*). Так пусть скорей присылает свою внучку сюда! Здесь все его точно так же ненавидят!

Симонсен (*со вздохом*). Да, а могли бы найти себе лучшее занятие! Его светлость говорит, что ненависть — самая никчемная вещь на свете, а я привык ему верить!

Ван Стрален. Правильно, надо не болтать, а делать! Знаете, что мы предпринимаем?

Рубенс разводит руками.

Симонсен. Друг мой, мне это знать совершенно не обязательно! (*На Рубенса.*) Но какой славный молодой человек!

Ван Стрален. Все равно, я не пушу инквизицию в Антверпен! Когда ничего больше не останется, я просто стану в воротах и не пушу!

Симонсен. Ну, уж тогда она никак не пройдет! Как вы думаете, господин Рубенс?

Ван Стрален. Но до этого еще далеко! (*Хватает Симонсена за плечо и быстро говорит ему прямо в ухо.*) Мы собираемся дать взятку самому папе! (*Отпускает его.*) Может, после этого король станет сговорчивее. На какое-то время.

Кабинет принца. Эгмонт и Вильгельм пишут письмо королю.

Эгмонт (*откладывая перо*). Да, так правильной всего. Пусть король все знает. Я не гожусь на роль марионетки! А если он решит по-другому, значит, моя служба ему просто не нужна!

Вильгельм. От этого она не перестанет быть нужной миллионам фламандцев.

Эгмонт. Да, положение этого народа стало очень незавидным. — Знаете, я всегда с уважением относился к королю, но все, что последнее время исходит из Мадрида, похоже на издевательство! Понятно, что за всем этим стоит Гранвелла, но все равно — это продуманное издевательство!

Вильгельм (*задумчиво*). Нет, это результат ложного представления о том, что все люди — одинаковы и что страхом смерти их можно вынудить к чему угодно.

Эгмонт. А вы что думаете по этому поводу?

Вильгельм (*лукаво*). Ну, если подходить со всей строгостью, то двух одинаковых людей вряд ли можно будет отыскать!

Эгмонт. Ну, это преувеличено! Истина, я полагаю, лежит посередине. Разве что нашего кардинала я готов признать неповторимым, уникальным! Праведное небо, откуда берутся такие негодяи? Ведь он не просто отстранил нас от дел — он нас люто ненавидит! Не может быть, чтоб вы не замечали! Его же трясет при виде нас!

Вильгельм. Я замечаю это. И каждый раз, надо признаться, этому удивляюсь!

Эгмонт. По-вашему, это достойно удивления?

Вильгельм. Кардинал Гранвелла вообще личность достойная удивления. Он вышел из низов, из самой простой семьи, и сделался правой рукой двух подряд могущественнейших европейских государей. И все это благодаря своим врожденным талантам и какому-то блистательному стечению обстоятельств!

Эгмонт. Вот он и завидует нам с вами. Все совершенно ясно! Ведь тот, кому положение досталось по наследству, не гонится за случаем, чтобы проявить свои способности.

Вильгельм. Разве необыкновенная судьба не лучше всякого наследства?

Эгмонт (*смеясь*). Нет, принц, ей-богу, его бы хватил удар, если бы он узнал, как вы им восхищаетесь!

Вильгельм. Нет, я им не восхищаюсь. (*Берет письмо, смотрит, просохло ли оно.*) Я сделаю все, что возможно, чтобы выставить его из этой страны!

Эгмонт. Да, жаль, что нет адмирала де Горна! Он тоже бы подписался.

Вильгельм. У него еще все впереди. Я надеюсь, дорогой граф, вы не думаете, что наше письмо королю возымеет безотлагательное действие?

Эгмонт (*с глубоким вздохом*). В таком случае мне действительно не стоит появляться в Государственном Совете. Потому что еще одна наглость с его стороны — и, я даю вам слово, я изобью его в присутствии правительницы!

4. Город Валансьен. Городской магистрат. Первый и второй судьи и запыхавшийся вестовой.

Вестовой. Они должны быть с минуты на минуту! (*Выходит.*)

Первый судья (*садится, держась за сердце*). Заранее ничего знать нельзя. Будем надеяться на лучшее!

Второй судья. Сейчас не такое время, чтобы надеяться на лучшее!

Первый судья. Ну, мало ли! А вдруг маркиз де Берген помер?

Второй судья. Как бы не так! Вы что, всерьез верите, что он болен?

Первый судья. Чего не бывает! Я проснулся сегодня ночью — дышать нечем, сердце вот-вот выскочит! Ну, думаю, вот и смерть пришла. И так мне стало спокойно, так спокойно, что я опять заснул. А наутро просыпаюсь — на тебе!

Второй судья. Да, хорошо им командовать, сидя в Брюсселе. А нас тут в любой момент могут на куски разорвать!

В дверь просовывается голова — «Идут!»

Первый судья бросается к висящему на стене распятию, крестясь и беззвучно шевеля губами.

Валансьенские судьи перед комиссаром из Брюсселя.

Второй судья. И вы можете не сомневаться, ваше превосходительство, что нами руководит не преступная снисходительность к еретикам, а исключительно стремление соблюсти букву и дух закона. Казни такого рода никогда еще не совершались в Валансьене без присутствия штатгальтера.

Как только маркиз де Берген будет здоров, как только он приедет, все приговоры будут немедленно приведены в исполнение!

Комиссар. Нет, я просто потрясен вашим формализмом! Для того чтобы сжечь человека, нужен не штатгальтер, а палач! Уж не хотите ли вы сказать, что в вашем городе перевелись палачи?

Первый и второй судьи. Нет, мы не хотим этого сказать!

Комиссар. Возьмите, к примеру, Турнэ! Когда там последний раз видели штатгальтера? Да он там и не показывается! Но это ничуть не мешает своевременному отправлению правосудия.

Второй судья. Да, мы наслышаны о беспримерной смелости турнезийских инквизиторов. Но, ваше превосходительство, мы совсем в другом положении! В исключительно тяжелом!

Первый судья. Ведь мы совсем на французской границе! Что тут ни делай, а они ползут оттуда и ползут!

Комиссар. Кто ползет?

Первый судья. Проповедники! Гугенотские проповедники!

Комиссар. А ваши граждане принимают их с восторгом.

Первый судья. Да еще с каким!

Комиссар. И при этом вы пишете в донесениях, что число сектантов незначительно и за минувший год не возросло!

Второй судья. Ваше превосходительство! Ради всего святого, не думайте, что мы хотим ввести правительство в заблуждение! Арестованные содержатся со всей строгостью, на хлебе и воде; можете проверить, если

угодно! А что до остальных... *(понижая голос)* в городе царит жуткая неразбериха! Ни о ком нельзя сказать в точности, гугенот он или нет! Да многие и сами толком этого не понимают!

Комиссар. Так что же получается? При таком состоянии умов вы фактически допускаете безнаказанные проповеди!

Второй судья. Тут уже не поймешь, что хуже — наказывать или не наказывать! Ведь это же люди! И когда они видят, как другие люди с полным спокойствием поднимаются на костры, в них такое пробуждается... Такое!..

Комиссар в задумчивости прохаживается по комнате.

Комиссар. Господа! Вы хотели бы, чтоб город объявили находящимся в состоянии мятежа и ввели в него правительственные войска?

Первый и второй судьи. Нет, мы бы этого не хотели!

Комиссар. Ведь вы же боитесь за себя, мне это совершенно ясно! В присутствии войск вы будете в безопасности.

Второй судья. Ваше превосходительство! Передайте герцогине, что мы умоляем ее прислать в Валансьен нашего штатгальтера маркиза де Бергена!

5. Принц Оранский, лежа на кровати, просматривает письма. Граф Иоганн сидит у него в ногах. Людвиг стоит поодаль.

Вильгельм. Ну что ж! По-моему, все не так плохо! Официальный опекун принцессы — курфюрст Август. А раз он в принципе одобряет этот брак, то пускай сам и уговаривает ландграфа. В одном письме он даже намека-

ет, что на худой конец он просто обойдется без его согласия.

Иоганн (*заметно нервничая*). Прости меня, Виллем, ты никогда не думал, что у курфюрста могут быть особые причины, заставляющие его желать этого брака, столь нежелательного для столь многих?

Вильгельм (*насмешливо*). Дитя мое, несомненно, у него есть такие причины, и я очень рад, что они у него нашлись, потому что для меня, как ты мог заметить, этот брак весьма желателен.

Людвиг. А по-моему, не стоит обижать старого ландграфа. Это честный, благородный человек! Один из тех, кто заставил императора дать Германии свободу веры! Если учесть нынешнюю ситуацию, то портить с ним отношения крайне неостроумно.

Вильгельм. А я и собираюсь быть с ним в самых лучших отношениях. Принцесса, выходя замуж, не перестанет быть его внучкой.

Людвиг. Да ты пойми, он может простить, забыть все старые распри, даже этот подлый плен, в который его заманил Гранвелла. Но он ведь упирает совсем не на это! Он не может примириться с тем, что ты католик, а это так быстро не исправить, особенно сейчас!

Вильгельм. Милый мой мальчик, я не собираюсь потворствовать ханжеству, от кого бы оно ни исходило. От его величества короля Филиппа, или от ландграфа Гессенского, или еще от кого-нибудь, кому взбрело в голову разыгрывать из себя святого.

Иоганн. Ах, дон Филипп и без того относится к тебе с подозрением!

Вильгельм. Было бы очень глупо рассчитывать, что это подозрение уменьшится, если я откажусь от союза с Саксонией.

Младшие братья переглядываются. Людвиг кивает на безмолвный вопрос Иоганна.

Иоганн. И все же ты мог бы поинтересоваться, Виллем, на ком ты собираешься жениться.

Вильгельм. На женщине! Женщины в этом возрасте, надо полагать, все одинаковы.

Иоганн (*сильно волнуясь*). Дорогой мой, ты человек мудрый, и никто на свете так не знает людей, как ты! Наверное, ты прав, и все женщины действительно одинаковы, но эта дама, извини меня, составляет исключение!

Вильгельм удивленно подымает брови. Братья снова переглядываются.

Иоганн. Она отличается крутым и крайне вспыльчивым характером, чтобы не сказать больше, и характер этот с годами не обещает исправиться... Кроме того... кроме того, она некрасива и у нее... у нее что-то с ногой, поэтому про нее говорят, что она кривобокая! (*Переводит дух.*) Вот! Теперь ты понимаешь, что хотя она дочь Морица и ей всего семнадцать лет, у курфюрста очень мало шансов сбыть ее с рук!

Вильгельм (*смущенно*). Бедное дитя! Если бы я знал это раньше, я бы давным-давно к ней посватался!

Дверь приоткрывается. В ней показывается человек, который делает знак принцу. Братья выходят из комнаты.

Симонсен, Иоганн и Людвиг пьют вино.

Симонсен. Вы снова отправляетесь в Германию?

Иоганн. На этот раз граф Людвиг поедет туда один.

Людвиг. Саксонский курфюрст по мне соскучился. Ах, Симонсен, если б вы его видели! Как он клянется Лютером! Как он закатывает глаза!

Симонсен (*прихлебывая вино*). Мне приходилось видеть похожие вещи. Не такая уж это редкость.

Людвиг. Что за время, мерзкое, звериное! Будь моя воля, я бы наплевал на всю эту дипломатию! Я вызывал бы каждого подлеца на поединок, пусть все видят, на чьей стороне правда! А королю я, так и быть, разрешил бы выставить вместо себя кого-нибудь другого.

Симонсен. Вас постигла бы неудача, граф. На ваш вызов попросту никто бы не явился.

Иоганн. Они бы выставили несколько дивизий для честного единоборства с тобой.

Входит принц Оранский. Все встают. Симонсен наливает ему вина.

Вильгельм. Город Антверпен будет избавлен от инквизиции до особых распоряжений!

Людвиг. А в Мадриде не будет землетрясения?

Вильгельм. Удивительно, сколько сил и ума пришлось потратить ни на что — на разъяснение простейшей вещи, что город, разоренный дотла, не сможет больше оставаться золотой жилой.

Людвиг. Подумать только, меркантильность торжествует над высокими принципами!

Вильгельм. Долго это не протянется. Пока что надо использовать каждую минуту.

Все пьют.

Вильгельм. Людвиг, ты едешь в Дрезден. Какие бы условия ни ставил тебе курфюрст, отвечай ему одно — «Нет, принц на это не согласен!»

6. Маркиз де Берген у себя дома. Перед ним — чиновник из Валансьена.

Берген. Вы можете передать валансьенскому магистрату, что врачи обещают мне скорейшее выздоровление.

Чиновник. Господин маркиз, а если они не выполняют своих обещаний?

Берген. Ну знаете!.. Тогда все претензии к ним!

Чиновник уходит. Входит слуга.

Слуга. Его светлость принц Оранский!

Берген. Ну что, какие новости, мой друг? Кардинал уже всех известил, что это я посоветовал королю завести в Нидерландах испанскую инквизицию, или кого-то он еще держит в неведении?

Вильгельм. Нет, но, вероятно, он считает, что осведомленность в этом, — уже достаточное преступление.

Берген. Что ж, пожалуй, он прав! А я тогда, выходит, виноват! — Их испанское величество действительно меня осведомляли. Станным образом, конечно, но,

может, это мне так кажется. — Мы плыли в Англию, праздновать его свадьбу. Он сделал самую постную физиономию, на какую только способен, и сказал, что он глубоко скорбит о состоянии нравов в нидерландских провинциях! Ну я не стал с ним спорить, действительно, нравы оставляют желать лучшего. — Потом он перешел на духовенство, которое забыло свое высокое назначение, и заявил, что аббаты набивают себе животы и карманы, а епископов всего двое и для такой населенной страны этого явно мало. Я подумал про себя, что когда один из этих епископов — Гранвелла, то этого слишком много, но ему, конечно, говорить не стал. Ну тут он пошел и поехал! Про целомудрие и про Фому Аквинского! И так длинно и муторно, как он один умеет. Я пробовал что-то вставить, но совершенно безнадежно! И кончил он тем, что надо бы учредить штук десять-двенадцать новых епархий, и тогда добродетель восторжествует окончательно и бесповоротно. — Да мне и в голову прийти не могло, что под видом этих епископов они хотят насадить по всей стране инквизицию! — Мы себе плывем, понимаете ли, солнышко светит, музыка играет! Я так рад был, что он наконец заткнулся, что я не слышу его козлиного голоса!

Я же не пересчитывал этих реформатов! Откуда же мне было знать, что их уже полстраны, и эти полстраны хотят сечь живьем!

Вильгельм. Они сделают это, не моргнув глазом! Им уже не раз приходилось истреблять целые народы. И в этом случае из всего народа фламандского уцелеют только палачи и предатели.

Берген. Вы знаете, принц, я ведь сам не пойму, притворяюсь я или на самом деле болен. Мне страшно выйти из

дома. Мне кажется, на всех легла какая-то страшная тень! А когда я вижу веселые лица, мне еще страшнее! Ведь Фландрия в двух шагах, все же знают, что там творится! Валансьен пока не сдается, но это не моя заслуга, я не обманываю себя! — Если б вы знали, как мне страшно! У меня такое чувство, словно ад надвинулся на всех нас! Я не собираюсь выживать за счет других, но что я могу? Что вообще можно противопоставить этому?

Вильгельм. Я хочу предложить вам немедленно отправить королю следующий адрес: учреждение новых епископов противоречит хартии вольностей Брабанта, именуемой «Радостный въезд».

Берген. Ах, он придет в ярость! Вспомните, как он взбесился, когда гентские штаты просили его ослабить религиозные эдикты!

Вильгельм. Я не рассчитываю доставить ему удовольствие. Нам необходимо добиться созыва Генеральных штатов! То, что трудно сделать одному, должны сделать все вместе. Раз король пожелал расширить права духовного сословия, он обязан получить на это согласие всех сословий. Это первое условие «Радостного въезда». Весь народ является единой общиной, а не стадом баранов под властью мясников!

Берген. Еще бы — созвать Генеральные штаты! Но король и, самое главное, Гранвелла! Они никогда не допустят этого.

Вильгельм. Друг мой, не надо обожествлять Гранвеллу или ему подобных! Конечно, мы имеем дело с сильным противником. Но ведь бывает так, что побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто прав!

Берген. Вы счастливый человек, принц! Я же знаю, вы всегда уверены в своей правоте! Если бы я мог сказать так о себе! Стал бы я тогда бояться какого-то Гранвеллу!

Вильгельм. Мой добрый друг, любые враги, включая Гранвеллу и более, хороши тем, что всегда знаешь, чего от них ожидать. Куда страшнее те, кого считаешь своей опорой, а она проваливается у тебя под рукой!

Берген. Принц, я надеюсь, вы не меня имеете в виду?

Берген (*подписывается и откладывает перо*). Вот так-то! Извольте считаться с нашими правами, поскольку они у нас есть! (*Подходит к окну, вдыхает полной грудью.*) Знаете что? Пойдемте гулять! Ведь мы еще живы и город этот пока еще наш!

Принц и Берген идут по живописным улицам, которые опоясывают круглые склоны горы, как лестницы амфитеатра. Все ускоряя шаг, чуть не бегом они выходят за городские стены.

Впереди видна маленькая церковь. Принц и Берген направляются к ней.

На ступенях церкви сидит молодая изможденная женщина с голым ребенком на руках. Ноги ее покрыты густой пылью. Ребенок тянет ручки к проходящим господам.

Принц бросает женщине кошелек.

Из церкви доносится одинокий голос, выводящий музыкальную фразу без слов.

Берген. Знаете, принц, я человек грешный, и я в церкви-то редко бываю!.. Но иногда... Во время мессы меня такое чувство охватывает, будто я в раю, ей-богу! Неужели дон Филипп думает, что можно силой заставить других почувствовать то же самое?

Вильгельм. Берегитесь, маркиз, чтоб кто-нибудь не догадался о ваших избыточных чувствах и не захотел бы силой избавить вас от них!

7. Принц Оранский и граф Иоганн принимают доктора Пфеферинга, прибывшего из Саксонии.

Пфеферинг. Мой всемилостивейший повелитель, курфюрст Август глубоко уверен, что нет таких земных благ, ради которых его племянница могла бы пожертвовать спасением души.

Вильгельм (*холодно*). Я целиком и полностью согласен с мнением его высочества курфюрста.

Пфеферинг. Но ваша светлость, почему бы вам тогда не выполнить то небольшое, на чем он настаивает? Если вы не намерены ни при каких условиях обращаться принцессу в католичество, почему вы так упорно отказываетесь дать письменное обязательство?

Вильгельм. Повторяю, я готов дать и дам это обещание словесно! Если курфюрст не верит моему слову, с какой стати он поверит какой-то бумажке? Ясно, что она нужна для того, чтобы показать ее третьим лицам!

Пфеферинг (*сильно нервничая*). Ах нет, нет! Помилуйте, ваша светлость! Мы никогда... Всемилостивейший господин курфюрст ни за что не станет подводить вас таким образом!

Вильгельм (*видя его волнение, он смягчается*). Я верю вам, сударь. Охотно верю. Но видите ли, бумажка — предмет настолько ничтожный, что она может подвергнуться любым случайностям. Одни могут ее потерять, другие найти, а третьи — шутка ли сказать — украсть!

И вообще, меня уже не в первый раз поражает один факт — как только германцы освободились от власти тех, кто изобрел инквизицию, они словно начисто забыли, что есть еще места, где дело обстоит совсем по-другому! — Что ж, это свойство здоровой души — быстро забывать обо всем плохом.

Пфедеринг. Однако с теми, на кого вы намекаете, вам удалось договориться, ваша светлость! И вы письменно заверили испанского короля, что принцесса, став вашей женой, будет жить по-католически.

Вильгельм. Но ведь точно такое же заверение я дал и курфюрсту! Вы хотите обвинить меня в нечестности из-за того, что я двум противным сторонам говорю одно и то же относительно своих намерений? — Что ж, это распространенный взгляд на вещи, но в высшей степени неверный.

Пфедеринг. Но ваша светлость, соблаговолите, по крайней мере, объяснить, какой смысл вы вкладываете в эту формулу, которую вы сами и придумали?

Вильгельм. Самый простой смысл! Житейский! Я не вижу ничего сверхъестественного в том, чтобы, переехав в другую страну, придерживаться установленных здесь обычаев и порядков. Надеюсь, курфюрст Август не боится, что его племянница умрет с голоду во время великого поста?

Пфедеринг. Но вы не запретите ее высочеству читать Священное Писание?

Вильгельм. На здоровье, если у нее есть склонность к такому чтению. В ее возрасте предпочитают рыцарские романы.

Пфедеринг. Ваша светлость, я, как вы понимаете, не уполномочен принимать какие-то решения.

Вильгельм (*милостиво*). Не сомневаюсь, что все будет передано курфюрсту самым точным образом. (*Пфферинг уходит.*)

Иоганн. Вот так они и будут ездить взад-вперед!

Вильгельм. Нет, мой мальчик, меня это совсем не устраивает. — Насколько я помню, в Германии существует обычай при сватовстве сообразовываться с мнением самой девицы?

Иоганн. Да, есть такой обычай! Но эта дама своего мнения не высказывала!

Вильгельм. Все ясно! Придется мне самому ехать в Дрезден. Когда она меня увидит, она не устоит!

Дрезден. Дворец курфюрста. Девушки бегом поднимаются по лестнице.

Девушки (*наперебой*). Ах, ваше высочество! Скорее, скорее! Они уже здесь!

Девушки подходят к окну. На площади гарцуют всадники.

Анна. Кто же из них принц Оранский?

Девушка. Вот этот, в белом плаще!

Анна (*отступая в комнату*). Какой красавец! И они еще смели меня отговаривать! Ну нет! Что Бог постановил, того дьяволу не отменить!

Свадьба. Развешаются знамена, раздаются пушечные залпы. Принц увозит Анну на своем коне.

Глава вторая

1. Турнэ. Дом семьи Ожье.

Отец, мать и двое маленьких мальчиков молятся, стоя на коленях. На столе — свеча, пламя ее колеблется, отбрасывая тени. Слышен шорох под окном. Стену напротив окна и потолок пересекает тень человека в высоком капюшоне. На нее крестом ложится другая тень. Старший мальчик зажимается, младший прижимается к матери.

Робер Ожье. Молитесь, дети, молитесь! Господь не оставит нас даже на костре!

Ожье, его жена и дети стоят связанные. Инквизиторы переворачивают все вверх дном.

Робер Ожье. Не ищите понапрасну! Я отдал свою Библию одному приезжему три дня назад. Он уже далеко. А я еще сомневался, давать ли?

Монах. А куда ты дел сочинения Кальвина и прочих?

Робер Ожье. Я простой человек, я таких книг не читаю.
Зачем бы я стал их держать?

Турнэ. Городская площадь. Робера Ожье и старшего мальчика ведут к месту казни, привязывают к столбам. Вокруг площади — толпа. Справа на возвышении сидят инквизиторы, слева — светские судьи. Инквизитор Тительман вскакивает со своего места, ходит взад и вперед по площади, пронзительно рассматривает толпу, обходит вокруг осужденных, опять возвращается на место, опять расхаживает по площади.

Светский судья. Слышали новость? Кардинал наконец справился с Валансьеном.

Второй. Что, магистрат арестовали?

Первый. Нет, только пригрозили арестовать.

Второй. Долго же с ним церемонились!

Палач и Тительман возятся с костром. Наконец пламя начинает ползти вверх. В толпе гул и перешептывания. Внезапно раздается крик мальчика.

Мальчик. Смотри, отец, смотри, все небо открылось! Ангелы! Смотри, сколько ангелов! Они протягивают нам руки!

Тительман (*палачу*). Надо заткнуть ему глотку!

Палач. Как, ваше преподобие? Ведь огонь!

Мальчик. Какие они прекрасные, отец! Смотри на них, смотри! Смотри, как стало светло!

Светские судьи сидят сгорбившись, не решаясь поднять голову.

Первый (*шепотом*). А куда девать мать с ребенком? Тоже еще вопрос!

Тительман (*подскакивая к ним*). О чем вы тут шепчетесь?

Второй (*дрожа всем телом*). Коллега не знает, как быть с женой этого Ожье и младшим сыном!

Тительман. Как быть, как быть! Сжечь обоих, и дело с концом!

2. Валансьен. В магистрате. Первый судья, второй судья.

Второй судья (*взглядывая на часы*). Ну все! Пора идти!

Первый судья. Ох, что сегодня будет!

Второй судья. В конце концов, мы сделали все, что могли! Костры и инквизицию не мы изобретали, а эти люди, между прочим, знали, на что они идут!

В тюрьме. Тюремщики связывают двум осужденным проповедникам (Фаво и Мальяру) руки за спиной, оглядывают их придиричиво, поправляют одежду, готовя к выходу.

Второй судья. В общем, мы вам доверяем, мы полагаемся на ваше обещание. Чтоб никаких воззваний и обращений! Вы же понимаете, другие просто бы заткнули вам рты! Но это выше наших сил.

Проповедники кивают.

Фаво и Мальяра ведут к месту казни. За ними следует возбужденная толпа. Солдаты оттесняют народ.

Площадь. Проповедников привязывают к столбам и начинают разводить огонь.

Фаво (*на костре*). О! Отец Небесный!

В этот миг толпа сметает солдат и бросается растаскивать костер. Начинается суматоха. Солдатам удается увести проповедников обратно в тюрьму.

В тюрьме. Поздний вечер. Первый судья выглядывает в окно. В вечерней тьме при свете нескольких факелов волнуется густая толпа.

Доносится пение псалмов.

Первый судья возвращается на свое место. Светские судьи и инквизиторы выжидательно смотрят друг на друга.

Инквизитор. Это будет длиться всю ночь! Надо немедленно отрубить им головы и выбросить их на улицу!

Первый судья (*неожиданно кричит*). Не положено!
Законом не положено!

Второй судья (*встает и спокойно говорит тюремщику*).
Отпустите заключенных!

Инквизиторы застывают, уставившись на светских судей.

Второй судья (*очень спокойно*). Наши полномочия окончены, господа! В городе мятеж. Гражданская власть тут бессильна. Остается ждать прибытия правительственных войск. Они сумеют восстановить спокойствие и справедливость!

3. Брюссель. В уличном тупике идет представление. Актер, наряженный дьяволом, ведет под уздцы деревянную лошадку. На ней восседает детина в красном кардиналь-

ском облачении. Следом крадется третий актер с большим лисьим хвостом в руках.

«Дьявол» (*обращаясь к кардиналу*).

Любезный сын мой, преданный и верный!
Я вижу, у тебя стальные нервы!
Ведь все фламандцы растерзать тебя готовы,
А ты и в ус не дуешь, право слово!

«Кардинал» (*замогильным голосом*).

Любезный дьявол, добрый мой папаша!
Я спину гну во имя ваше!
Хочу во Фландрии я выполоть пшеницу,
Чтоб было сорнякам просторней колоситься!

Кардинала начинают стегать лисьим хвостом. Он кубарем катится с лошади и на карачках уползает со сцены.

Публика громко аплодирует.

Граф Бредероде встает и хлопает громче всех.

Бредероде. Браво! Браво! Великолепно! (*Достаёт флягу.*)

А теперь, друзья, я предлагаю вам выпить за погибель красной собаки и за здоровье нашего доброго короля, который (*многозначительно закатывает глаза*) и не подозревает о бесчинствах своего министра!

Все. Здоровье короля!

Голос. Здоровье графа Бредероде!

Бредероде. Благодарю! Благодарю!

Он направляется к повозке актеров. За ним следует человек свирепого вида (Люмей де ла Марк).

Бредероде (*к «кардиналу»*). Послушайте, метр, продайте мне этот костюм! Я очень боюсь, что вам он недолго прослужит. А мне он так нравится, что я бы его просто не снимал!

Актер. С удовольствием, граф! Для пользы общего дела!
*(Бредероде напяливает облачение поверх своей одежды.
Оно трещит, но не налезает.)*

Люмей. Вот здорово! А я тогда буду дьяволом! *(Второму актеру.)* Сколько вы хотите за ваш костюм?

Второй актер. Очень жаль, сударь, но я не могу его продать. Мне его одолжили в одном риторическом обществе.

Третий. Сударь, возьмите этот лисий хвост! Я отдаю его даром. Эти хвосты бесят кардинала больше всего на свете! Вокруг Брюсселя уже ни одной лисы не осталось!

Дворец Нассау. Челядь принца Оранского толпится на лестницах. Бредероде — «кардинал» носится по залу, хватая всех, кто под руку подворачивается. За ним неотступно следует Люмей с хвостом.

Бредероде. Берегись! Я кардинал Гранвелла! Дорогу красной собаке! Укушу! Задушу!

Все смеются и аплодируют ему. К Бредероде подходит Людвиг, обнимает его и уводит.

У Людвига. Бредероде рассматривает свой наряд в зеркало, затем поворачивается к Людвигу.

Бредероде. Какие новости из Франции?

Людвиг. Дела у наших не блестящие. Боюсь, что сейчас для них самое лучшее — как-то замириться с правительством и еще подождать.

Бредероде. Эх! А как все хорошо начиналось! — Нет, ты только подумай, до чего нас тут довели! Сидим и пальцем не можем шевельнуть в помощь тем, кто воюет за нашу же свободу!

Людвиг. Это еще что! Король Филипп требует, чтобы Нидерланды немедленно послали во Францию две тысячи конных для расправы с гугенотами.

Бредероде. Ой-ей-ей-ей! А ты знаешь, в народе давно уже говорят, что испанский и французский короли заключили тайный договор, чтоб истребить всех, кто имеет хоть какое-то касательство к протестантской вере. От мала до велика! И не только в своих странах, но и во всем мире!

Людвиг. У них ничего не получится!

Бредероде. Мне самому на днях один кузнец рассказывал, что покойный король Генрих однажды заманил твоего брата в темный лес и просил его придумать, как бы им все это проделать половчей. И в награду обещал ему свою дочь. А принц на это ответил — не продаю христианской крови!

Людвиг *(смеясь)*. Не знаю, Бредероде, меня там точно не было!

Бредероде. Как прошли крестины?

Людвиг *(кисло)*. Ох, это было так давно.

Бредероде. Но все было строго по-католически?

Людвиг. Вы стали агентом инквизиции, граф?

Бредероде. Я сам кардинал Гранвелла! Гав-гав-гав! *(Снимает красное облачение, оправляет свой потертый ко-*

стюм.) — Я хочу засвидетельствовать почтение ее светлости, твоей невестке!

Людвиг (*неохотно*). Ох, Бредероде, боюсь, ты недостойн предстать пред очами столь знатной дамы.

Бредероде (*тоном обиженного ребенка*). Вам что, граф, неизвестно, чей род самый древний в этой стране?

Людвиг. Но ведь это еще и очень богатая дама, Бредероде!

4. Обед в роскошной зале. За спинами гостей снуют слуги. Музыка, возгласы, смех, звон стаканов и проч.

Гоохстратен (*обращаясь к величественному старику*). Ну что, дядюшка, когда выступаем во Францию? Завтра? Или прямо сегодня?

Старик. Милый мой, вы что же, сговорились вот так реагировать на любой шаг правительства? Боюсь, что ничего хорошего из этого не выйдет!

Один из гостей (*другому*). Нет, видимо умственные способности кардинала пошли на убыль! Прислать *мне* приглашение на обед! Что он, решил, что я умираю с голоду? Что мне больше некуда пойти пообедать?

Голос. Здоровье адмирала де Горна!

Принцесса Анна, нарядная и веселая, поднимает стакан, улыбаясь своему соседу, галантному кавалеру.

Другой гость (*своему соседу*). А я-то был уверен, что Горна из Испании не выпустят!

Сосед. А за что, можно полюбопытствовать?

Гость. Но ведь столько времени не выпускали!

Гоохстратен. Прошу вас не забывать, дорогой дядя, что принц Оранский — мой друг!

Старик. Это прекрасно! Но почему вам так хочется отпраздновать эту дружбу на эшафоте?

Третий гость (*говорит своей даме, глядя на хохочущую Анну*). Смотри-ка, маленькая принцесса Оранская после второго стакана делается очень даже ничего!

Дама. В самом деле? Ну что ж, пусть выпьет целую бочку! Может быть, станет красавицей!

При этих словах Анна поднимается со своего места и направляется к этой даме.

Анна. Сейчас же повторите, что вы сказали!

Дама (*смущенно*). Принцесса, простите, я не понимаю!

Анна. Я требую, чтобы вы повторили свои слова!

Дама. Извините, ваша светлость, я не знаю, какие именно мои слова вы подслушали!

Анна дает ей пощечину. Все ахают. За спиной у Анны появляется Вильгельм.

Вильгельм (*хватая ее за руки*). Нам надо немедленно ехать домой!

Анна (*вырываясь*). Пустите меня сейчас же!

Вильгельм (*пытается вести ее к выходу*). Принцесса, мы едем домой!

Анна. Пустите меня! Вы не смеете! Да кто вы такой! Перед моим отцом дрожал император, которому вы сапоги подавали!

На улице. Принц и один из его людей усаживают Анну в карету.

Анна (*со слезами*). Проклятые паписты! Вы все будете гореть в аду!

В карете. Анна дрожит и всхлипывает. Наконец, она с рыданиями бросается на шею принцу.

Анна. Я не виновата! Я не виновата! Это не я! Это болезнь!

Вильгельм (*глядя ее по голове*). Ну ничего, ничего! Ну успокойся, бедняжка!

Анна. Я так хочу сдержаться! Я каждый раз хочу сдержаться! Но мне так трудно! Так трудно!

Вильгельм. И все же надо стараться! Вдруг получится?

Анна (*уже придя в себя*). Это так ужасно! Вы мне этого не простите! Вы больше не будете меня любить!

Он целует ее в знак прощения.

5. Заседание Государственного совета.

Эгмонт (*грозно*). Хотел бы я знать, что за негодяй подал королю такой чудовищный совет! Мы и так на грани катастрофы, видно, кто-то хочет сделать ее неминуемой! Казна пуста, пограничные крепости в развалинах, народное недовольство растет! То, что случилось в Валансьене — это еще цветочки! Как же можно сейчас лишать страну войска, когда оно в любой момент может понадобиться нам самим?

Маргарита. Мне глубоко прискорбно, граф, что вы не хотите вникнуть в существо дела. Вы же видите — король настаивает на посылке войск во Францию, он готов подвергнуть риску свои Нидерланды — почему? Потому что он преследует цели, которые выше любых расчетов и опасений! Во Франции идет непростая война! Сам дьявол ополчился на святую церковь и повел на нее своих сподручных — еретиков! Неужели мы станем сидеть сложа руки, чтобы навлечь на себя гнев Божий и своего земного властелина?

Горн. А вы подумали, мадам, кто станет защищать церковь здесь, в Нидерландах, когда наши войска будут во Франции, а германские протестанты захотят отомстить нам за своих единоверцев?

Берген. А наши собственные реформаты! Французские события и без того уже подали им соблазнительный пример! — Нет, самым благоразумным было бы не влезать в эти распри, а подождать, пока французское правительство как-то договорится со своими гугенотами.

Гранвелла. А вам бы очень этого хотелось!

Маргарита. А почему молчит наш кузен принц Оранский?

Вильгельм. Обсуждаемый вопрос и проблемы, которые неизбежно с ним связаны, представляются мне настолько серьезными, что я не вижу возможности их разрешения в таком узком собрании! Есть только один выход — созвать Генеральные штаты!

Выкрики (*сторонников Оранского*). Правильно! Правильно! Таков обычай!

Гранвелла. Мне кажется, принц, что вы лучше чем кто-либо должны понимать, что в такие тяжелые, критические моменты крайне неуместно выносить действия правительства на всенародное обсуждение!

Эгмонт. Правильно! Надо подольше растянуть этот критический момент, чтобы все решать единолично!

Гранвелла. За это положение надо благодарить интриганов, которые из презренного честолюбия заигрывают с врагами своей матери-церкви!

Выкрики. Опять та же демагогия! — Нас и так заставляют истреблять своих соотечественников! — Мы не испанцы!

Маргарита шепчется с Гранвеллой и Вилиусом.

Вилиус. Господа! Заседание затянулось! Ее высочество утомлена! Надо надеяться, что завтра мы сумеем найти конструктивное решение вопроса!

Маргарита, Гранвелла и Вилиус входят в кабинет правительницы. Гранвелла хватает лист с королевским посланием и бегаёт глазами по строчкам.

Маргарита. А где же Барлемон?

Гранвелла (*не отрываясь от листа*). Побежал выяснить, что перепадет его деткам, когда эта шайка придет к власти!

Маргарита. По-моему, граф Эгмонт считает, что он уже пришел к власти! До чего обнаглел! Боится, как бы кто не забыл, что он «великий Эгмонт»! Арестовать бы его, чтоб знал свое место!

Гранвелла (*черкает в тексте письма*). Вы, пожалуйста, не торопитесь никого арестовывать, мадам. Особенно таких преданных слуг короля, как граф Эгмонт.

Маргарита. Я что-то не понимаю! Совсем недавно вы говорили, что Эгмонт готовит на вас покушение.

Гранвелла (*все так же занят письмом*). Да? Ну это касается только меня. Я его прощаю по-христиански. (*Подымает глаза от письма*.) А вас, герцогиня, прошу запомнить, что если в этой стране есть кто-нибудь, на кого правительство сможет положиться в трудный момент, так это граф Эгмонт!

Входит Барлемон.

Маргарита (*с любопытством*). Ну, что они там говорят?

Барлемон. Ничего интересного. Берген рассказывал, как его покойный дед нахамил однажды деду короля.

Гранвелла (*снова возится с письмом*). Ничего-ничего! Посмотрим, что он будет рассказывать после того, как съездит в Валансьен!

Вилиус. Так он туда и поедет! Опять больным прикинется.

Гранвелла (*грозно*). Поедет, как вы меня здесь видите! И своими руками будет жечь своих подопечных-реформатов! (*Проводит в письме последнюю черту*.) Все.

Этот текст надо будет завтра огласить. Король разгневан их поведением, однако соглашается послать во Францию не войска, а денежную помощь.

Маргарита (*рассматривает письмо*). Ну конечно, а Молчаливый опять заявит, что надо созвать Генеральные штаты.

Гранвелла. А вы ему на это ответите, что король не дает согласие ввиду чрезвычайности положения!

Маргарита. А что, если послать гонца в Мадрид? Чтобы его величество еще раз обдумал этот вопрос?

Гранвелла. Мадам! Пожалейте гонцов! Вы вообще понимаете, что означает созыв Генеральных штатов? Вы когда-нибудь потрудились ознакомиться с историей и конституцией этой страны?

Маргарита (*дрожащим голосом*). Я... я приняла бразды правления в такое тяжелое время! Вряд ли эта страна когда-нибудь переживала такое тяжелое время! Я так работаю... У меня нет минуты написать письмо своему сыну...

Гранвелла. Мне вас искренне жаль, герцогиня. Но если вы захотите узнать, как далеко простираются полномочия Генеральных штатов, то лучше всего обратитесь к принцу Оранскому. Он это дело изучил досконально. Но учтите, если он добьется их созыва, то вам эти знания больше не пригодятся!

Государственный совет.

Маргарита. Я надеюсь, никто не станет возражать против такого решения. Французский король Карл IX — мало-

летнее дитя. Вдовствующая королева Екатерина — беззащитная женщина, которую постигло несчастье. Оказать денежную помощь вдове и сироте — значит исполнить свой христианский долг!

Члены совета не выражают энтузиазма, но и не возражают.

Маргарита. А теперь я обращаюсь к высокоуважаемым членам Государственного совета и рыцарям Золотого Руна со следующим предложением! (*Бросает на кардинала вызывающий взгляд.*) Для того чтобы сделать нашу дальнейшую совместную работу более плодотворной, я прошу вас обсудить и исследовать причины возрастающего народного недовольства и на следующем заседании представить мне ваши выводы.

Удаляется.

Подымается галдеж. — «Что тут обсуждать? И так все ясно!» — «Пустая трата времени!» — «Ну можно собраться!» — «А можно и не собираться!»

Вильгельм (*спокойно перекрикивая все голоса*). Господа!
Для меня будет большой честью, если вы изберете мой дом местом этого собрания!

6. У принца Оранского. Участники собрания рассказывают для беседы.

Вилиус (*ковыряя в зубах*). Хотел бы я знать, где этот плут Симонсен находит таких поваров?

Аршот. Меня это не интересует. Мне вообще безразлично все, что происходит в этом доме. Я здесь никого не считаю умней себя и диктовать себе не позволю!

Вилиус. Ну что вы! Дом этот очень приятный, и мы здесь

по требованию герцогини, так что все в порядке. (*Усаживается поудобней, подпирает голову рукой и засыпает.*)

Вильгельм (*обращаясь ко всем*). Правительница просит нас о помощи! Деспотизм Гранвеллы стал для нее невыносимым! От того, как мы используем этот момент, к чему мы все вместе придем, зависит судьба страны и каждого из нас!

Барлемон. От этого прежде всего зависит судьба тех, кто хотел бы избавиться от Гранвеллы и занять его место!

Эгмонт (*возмущенно*). Что вы этим хотите сказать?

Барлемон. Только то, что сказал, любезный граф. Для управления государством в таком состоянии, как нынешнее, необходима твердая рука. Если не чья-нибудь, то по крайней мере какой-то партии.

Вильгельм. Простите, господин барон, выходит, что вы сразу же исключаете возможность общего соглашения?

Барлемон. Я нигде и ни в ком не вижу желаний прийти к такому соглашению. Как же оно может произойти?

Берген. Вы хотите сказать, что мы все настолько обезумели, что ради собственных амбиций принесем в жертву общее благо?

Барлемон. Общее благо, высокочтимый маркиз, существует только в воображении плебеев. От вас, признаться, я даже не ожидал таких слов!

Эгмонт. И вы смеете говорить это тем, кому фламандский народ вручил свою судьбу? Мы ни на какие сделки с Гранвеллой не пойдем! Мы не станем предавать свой народ!

Аршот (*развалиясь*). Видите ли, граф, вы в пылу своей любви к народу забываете об очень важном обстоятельстве. Гранвелла пользуется исключительным доверием короля. — Я не из числа обожателей кардинала, как, по-моему, и все здесь присутствующие, но не собираюсь становиться жертвой собственных эмоций. Мало ли кто мне не нравится! Неужели это повод для того, чтобы бросить вызов самому королю? Прошу не забывать, что все мы приносили присягу. А короля над нами поставил сам Бог!

Мегем (*человек средних лет со злобным лицом*). Правильно! Каков бы ни был Гранвелла, он проводит политику в интересах короля, а направлена она против еретиков! Что ж он, черт возьми, виноват, что они плодятся как мухи? Может, он и Лютера с Кальвином на свет вызвал?

Берген. Выходит, вы признаете, что эта политика зашла в тупик! Раз еретиков становится все больше...

Барлемон (*перебивая его*). Простите, простите, маркиз! Это отнюдь не означает, что королевская политика не состоятельна! Ведь вам, я думаю, хорошо известно, что если религиозные эдикты и исполняются время от времени, то это происходит в порядке случайности, так сказать, по недосмотру некоторых штатгальтеров!

Монтиньи (*красивый молодой человек*). Простите, господин барон, я штатгальтер Турнэ! Я надеюсь, вы не считаете, что все, что там творится, — моя заслуга?

Берген. Да ведь слепому ясно, что поголовное истребление еретиков — вещь совершенно бессмысленная! Пол-Европы сейчас исповедует протестантскую веру! Не хотите же вы уничтожить пол-Европы?

Барлемон (*лукаво*). А почему бы и нет? Это вопрос времени и отношения!

Гул и выкрики со стороны противников кардинала.

Вильгельм. Проблема ереси давно уже стала ловушкой, в которую попали Нидерланды! Неудивительно, что мы снова запутываемся в ней. С тех пор как главной заботой исполнительной власти стала чистота чужой души, страна день за днем погружается в хаос и нищету! — Одни предпочитают не работать, а жить за счет доносов и своей доли в конфискациях. Другие боятся богатеть, чтоб не дразнить аппетиты доносчиков. — А тем временем продаются и покупаются государственные должности! Уголовных преступлений становится все больше, потому что за них не наказывают, а берут выкуп! И кто же, как не кардинал Гранвелла, является главным виновником этих беззаконий? Он потворствует тому, что на любое преступление смотрят сквозь пальцы, лишь бы сохранялась строгость в отношении еретиков! Он подает пример казнокрадам и взяточникам всех мастей своим корыстолюбием, своей непристойной роскошью!

Мегем (*тихо Аршоту*). Смотрите-ка, ему не нравится, когда другие богатеют! А интересно, кто у нас самый богатый?

Аршот. Он привык к своему богатству. Ему бы хотелось еще кой-чего. (*Громко.*) Вы, принц, беретесь рассуждать о проблемах всей страны! А ведь вы всего лишь штатгальтер Голландии и Зеландии. Получается, что вам этого мало! — Вот не так давно жители Брабанта ходатайствовали о том, чтобы им дали особого штатгальтера. Они, как известно, все делают по вашей указке. А кого они имели в виду? Опять-таки вас?

Гоохстратен. Принц — наследственный бургграф Антверпена! И у него в Брабанте большие земли! Естественно, что жители провинции смотрят на него как на своего защитника!

Мегем (*в сторону*). Где у него только нет земли, черт бы его побрал!

Аршот (*отвечая Гоохстратену*). Очень может быть. Но что касается меня, я ни в каких защитниках не нуждаюсь. Я ничуть не боюсь Гранвеллы, но не вижу никакого смысла затевать с ним распри. Да еще в угоду тем, кто сводит с ним личные счёты!

Эгмонт. Я не потерплю таких выпадов! Вы можете хоть душу продать вашему кардиналу, но за эти слова вы ответите!

Аршот. Моя шпага к вашим услугам!

Всеобщий гвалт. Крики — «Господа! Господа!» От шума просыпается Вилиус и видит, что дело дошло чуть не до драки.

Вилиус (*хватаясь за голову*). Боже мой, Боже мой! До чего мы дожили!

Вильгельм (*Гоохстратену*). Хватит! Незачем больше терять время! (*Направляется к Вилиусу*.) Господин президент! Нам необходимо принять хоть какое-то решение, чтобы было что представить герцогине!

Вилиус (*обрадованно*). Да-да! Обязательно! Знаете, что угодно, лишь бы что-то было!

В соседней комнате. Барлемон и еще один сановник уговаривают Эгмонта.

Барлемон. Ну подумайте, граф! Да весь этот Гранвелла, с головы до пят, не стоит того, чтоб вы так волновались!

Вильгельм (*входя в комнату*). Господин барон, мы просим вас подтвердить наше решение!

Барлемон (*иронически*). Пожалуйста, пожалуйста! Мне это совсем нетрудно!

Они входят в зал заседания.

Вильгельм. Мы хотим отправить к его величеству специального посла для обсуждения всех наших разногласий с его первым министром. Наш выбор пал на барона Монтиньи. Вы одобряете эту кандидатуру?

Барлемон. А он не боится ехать в Испанию?

Монтиньи. А у меня есть чудотворный крест!

Барлемон. Ну, смотрите, не потеряйте его!

Дворец Нассау. Принц Оранский подымается по лестнице. Навстречу ему — служанка принцессы.

Вильгельм. Ее светлость вернулась домой?

Служанка. Ее светлость никуда не уходила. Она уже третий день не выходит. (*Помедлив.*) И не встает.

Спальня принцессы. Анна лежит в постели.

Вильгельм. Надо позвать других врачей!

Анна. Мне не нужны врачи. Я ничем не больна. Пусть только все оставят меня в покое!

Вильгельм. Если кто-нибудь раздражает вас!..

Анна. Все! Все! В этом доме меня все ненавидят! Все думают только о том, как бы меня унизить!

Вильгельм. Анна! Ведь вы же здесь хозяйка!

Анна. Неправда! Этот дом принадлежит кому угодно, кроме меня! Вашим братьям! Адмиралу де Горну! И любому негодяю, которому нравится жить за чужой счет! — Так дайте же мне по крайней мере не выходить из своих комнат и не видеть их всех! Особенно этого мерзкого адмирала!

Вильгельм. Дорогая моя принцесса, этот дом — самый большой в Брюсселе. Но если вам здесь тесно, я прикажу пристроить помещение любой величины.

Анна. Главное, подальше от себя! Вы же заняты чем угодно, только не мной!

Вильгельм. Если вам хотелось иметь мужа, который с утра до вечера не сводит глаз со своей жены, надо было попросить, чтобы вас выдали за хозяина маленькой лавки.

Анна. Я не просила, чтобы меня выдавали за вас! Это вам самому понадобилось! Зачем только, хотела бы я знать!

Вильгельм (*улыбаясь*). Чтоб научиться терпению, дитя мое. Как видно, мне его не хватало.

Анна. Вы надо мной смеетесь! Что же говорить о других! (*Заливается слезами.*) Боже мой, как я несчастна! Как же мне жить на свете, когда меня никто не любит!

Вильгельм (*обнимает ее, утешая*). Бедная ты, бедная! Ну а сама ты кого-нибудь любишь?

Анна (*рыдая*). Кого мне любить? За что?

Вильгельм. Ну, а своих детей?

Анна. При чем тут дети? Ведь я же их родила! Неужели можно сделать для них что-нибудь большее?

Вильгельм. Анна, если вы будете лежать так день за днем, вы совсем разболеетесь!

Анна. Ну и пусть! Если я умру, вам только лучше будет! Сможете жениться на другой!

Вильгельм. Что ж, это стало моим привычным занятием.

Анна. А можете и не жениться! Ваши фламандские потаскухи дешевле вам обойдутся!

Вильгельм. Анна! Немедленно встаньте! Мы едем на прогулку! (*Звонит. Входит служанка.*) Помогите одеться ее светлости!

Принц выходит. К нему подходит секретарь.

Секретарь. Прибыл господин Рубенс из Антверпена. Также посланные Гентских штатов и от епископа Утрехтского.

Вильгельм. Скажите Симонсену, чтобы посадил их за стол и не выпускал оттуда до моего возвращения.

7. Валансьен. Городской магистрат. Берген, мрачный, как ночь, сидит за столом, читая бумаги. Вокруг — в почтительных позах члены магистрата.

Берген (*поднимая голову*). Так он даже не реформат?

Первый судья. Никак нет, ваше сиятельство, — анабаптист!

Берген. Это что-то новое!

Первый судья. Сравнительно новое, ваше сиятельство.

Мы давно привыкли! (*Говорит скороговоркой, загибая пальцы.*) Лютеране, реформаты, анабаптисты! — Вообще, я понял, если этого не пресечь, их скоро будет не три, а триста тридцать три.

Берген. А, теперь я вспоминаю! Это которые отказываются воевать.

Второй судья. Члены этой секты, ваше сиятельство, в некотором смысле сознательные отщепенцы. За лютеранами стоит Германия, у кальвинистов своя цитадель — Женева! А этих преследуют повсюду, даже в Англии!

Берген. А его не пытались... вразумить?

Второй судья. Не сомневайтесь, ваше сиятельство. Инквизиторы никогда не пренебрегают своими обязанностями. Но они редко добиваются успеха, а этот случай — совершенно безнадежный.

Берген. Я хочу видеть осужденного.

Второй судья. А с какой, простите...

Берген (*властно*). Я хочу его видеть! Проводите меня к нему!

Тюремная камера. На скамье сидит человек, руки и ноги которого закованы в кандалы. Лязг замка. Входят Берген и другие.

Первый судья. Эй ты! Перед тобой его сиятельство маркиз де Берген, штатгальтер его величества короля Филлиппа!

Берген (*вглядываясь в заключенного сквозь полумрак*). Послушайте... (*Осекается.*) Сейчас же снимите эти цепи!

Тюремщик. Как же снять? Нераскаянных положено до самой казни...

Берген. Делайте, что вам говорят, и уходите отсюда! Все уходите!

Тюремщик снимает с заключенного кандалы. Все уходят. Берген приближается к анабаптисту. Тот наблюдает за ним с нескрываемым удивлением.

Берген. Выслушайте меня! Я пришел к вам с просьбой!.. (*При этих словах человек, осужденный на смерть, невольно улыбается.*) Вы, наверное, человек очень утвержденный в своей вере... Вы, наверное, много читали Святое Писание, много размышляли...

Анабаптист (*тихо*). Мы по Евангелию верим. Как в Евангелие написано, так мы и верим.

Берген. Вы, конечно, знаете слова о любви к ближнему!..

Анабаптист. Это главная заповедь!

Берген. Ведь эта ваша вера запрещает убивать кого бы то ни было? (*Анабаптист кивает.*) Значит, вы не делаете различия для добрых и злых! — Я человек грешный! Поверьте мне, я не то что осуждать... да я не достоин смотреть на вас! Ведь я же понимаю, что значит — пойти в огонь во имя Божье!

Но вот что получается: вы совершите подвиг, а на меня он ляжет!.. — Вы же знаете, чем он на меня ляжет! — Если бы вы сказали им, что вы отрекаетесь! Ведь им же совершенно все равно! Для них это пустой звук! Они сожгут вас и не заметят! И слов ваших не заметят! — Сделайте это для меня! Ведь я же ближний

ваш! Моя душа должна быть вам дорога, как ваша собственная!

Анабаптист. Понимаете, господин маркиз, если мы все подряд начнем отрекаться, то остальные тогда совсем не уверуют! И не спасутся!

Берген. Значит, вы думаете о спасении других! А я вот здесь, перед вами! — И потом, кто же вам запрещает веровать? Отсюда можно уехать! В Голландии, например, гораздо спокойней! А можно за границу! Я вам помогу, дам денег, мне это ничего не стоит! А если что-то изменится и можно будет вернуться сюда, я всем подтвержу, что вы не отрекались вовсе, что я вас умолил!

Анабаптист (*нерешительно*). Вы что думаете, мне так уж хочется гореть?

Берген. Вам и писать ничего не придется, я прикажу писарю! А вы даже можете не подписывать! Скажите, что неграмотный, и приложите палец! Ведь если всех перебьют, кто же тогда будет учить других?

Берген. Анабаптист. Судьи и другие. Писарь строчит текст отречения.

Первый судья (*изумленно*). Да-а, господин маркиз!

Берген. А этих инквизиторов я еще отправлю пасти свиней!

Второй судья. Что ж, он поступил совершенно правильно! Теперь его родные смогут получить наследство. (*К первому.*) У него там есть хоть что-то?

Первый судья. Почти ничего!

Второй судья. Ну, все равно! Виселица — это не костер!

Берген (*как громом пораженный*). Что?!

Все замирают от его крика, затем начинают переглядываться.

Второй судья. А на что же вы, ваше сиятельство... Простите, господин маркиз, но вы так долго... (*кашляет*) болели! Вы, оказывается, совсем не в курсе! — Нет, нет! Ничего другого и быть не может! — Дворянам рубят голову, женщин закапывают живьем! Это все, когда отрекаются, конечно!

Анабаптист. А я и не отрекался вовсе! Бросьте там это дело, я все равно не подпишу!

Берген (*в отчаянии ударяет по столу*). Будь они прокляты!

Первый судья. Кто? Что? Ваше Сиятельство!

Берген. Ваши законы! Ваша инквизиция! Вы сами!

Анабаптист (*подходит к Бергену*). Не проклиняйте никого, господин маркиз! Ведь я говорил вам, что нельзя отречься! — Не бойтесь ничего! Вот посмотрите на меня, мне ей-богу не страшно! Вы же веруете в воскресение! Разве нет? Чего же тогда бояться?

Не проклиняйте никого, простите их! Вот, смотрите, я прощаю их всех!

8. Адмирал де Горн и барон Монтиньи.

Монтиньи. Прости меня, брат, я только что расстался с королем и меньше всего расположен ставить ему ультиматумы!

Горн. Все равно нам всем придется уйти в отставку! Сколько можно все это выносить?

Монтињи. Но согласись, что уйти можно по-разному!
Принц и Эгмонт идут на смертельный риск!

Горн. Ну знаешь, мой милый, твой старший брат тоже не трус!

Входят принц Оранский, Эгмонт и Берген.

Вильгельм (*к Монтињи*). Что, мой друг, вы тоже не хотите подписаться?

Монтињи. Ах, принц, вы же знаете все гораздо лучше меня! Мне ли объяснять вам, кто такой дон Филипп?

Эгмонт. Я никак не возьму в толк вашего отношения к королю! Можно подумать, что, кроме Гранвеллы, нас с ним ничего не связывает! Если это так, то вообще говорить не о чем! Но у меня на этот счет свое мнение!

Вильгельм. Скажите, дорогой Монтињи, вы заметили у короля хоть малейшую склонность смягчить преследования еретиков?

Монтињи. Да он скорее все Нидерланды сотрет с лица земли! — Уже очень многие испанцы недовольны такой политикой, но их, как известно, никто не спрашивает!

Вильгельм. Так как же, по-вашему, должны вести себя мы в то время, как эту прекрасную страну будут стирать с лица земли?

Монтињи. О Боже мой! Я просто в отчаянье прихожу!
Я не знаю, я не знаю, что можно сделать!

Вильгельм. А я, благодаренье Богу, знаю, что делать! Но

для этого прежде всего необходимо избавиться от кардинала Гранвеллы.

Монтињи. Подождите, он еще нас с вами на костер отправит! Когда я проезжал через Париж, мне говорили со всех сторон, что во Франции уверены, что все здесь присутствующие — тайные гугеноты!

Вильгельм. Это опять проделки Гранвеллы! Я завтра же во всеуслышанье обвиню его в клевете!

Берген. Нет, принц, вы не правы. Это просто привычка человеческого мышления. Люди привыкли делить всех на своих и не своих. Раз ты за кого-то заступаешься, значит, ты с ним заодно!

Вильгельм. Тем более, я не хочу, чтоб из-за этой подлой привычки мы лишились доверия нидерландских католиков! Мы защищаем их интересы ничуть не в меньшей мере!

Берген. Я больше никого не защищаю. И мне даже незачем просить об отставке. Мое штатгальтерство уже закончилось! Бесславно, но закончилось!

Горн. Ничего, господа! Не страшно, если мы подпишемся втроем! Раз все, к кому мы обращались, хотя бы на словах нас поддерживают, значит, мы и действуем от имени всех.

Кабинет правительницы. Маргарита за столом над кипой бумаг. Рядом стоит секретарь.

Маргарита. Нет, Арментерос, я просто слов не нахожу! Мне остается только смеяться! Нет, вы полюбуйте, у меня за спиной все до одного берут взятки разве что

не с мертвых, а я тут должна... Интересно, что же они обо мне думают? Кардинал, наверное, считает, что я нищенка! Что меня осчастливило королевское жалование! — Ну подлец! Ну подлец!

Секретарь. А что же вы думали, мадам? На какие деньги он строит дворцы своим любовницам? Архиепископские доходы, конечно, велики, но такой статьи они не предусматривают.

Маргарита. Что я думала! А почему я вообще должна была об этом думать? Что мне, думать больше не о чем? *(Снова смотрит бумаги.)* — А наш старичок-президент! Одной ногой в могиле, а хватает за десятых! То-то они такие друзья с Гранвеллой! *(Стучит по столу.)* Чтоб на глаза мне не являлись!

Секретарь. Тем не менее, мадам, я, с вашего разрешения, ознакомлюсь с его письмом. Одно другому не мешает. — Так! Он пишет, что если его величество вознамерится пригласить графа Эгмонта в Испанию, то чтобы вы этому не препятствовали.

Маргарита. Интересно, что он там затеял! Хочет, наверное, заманить его туда — и... того! — Ладно! Сами разберемся, кого куда посылать, кого не посылать! — Для начала туда поедете вы, Арменгерос. И расскажете все, как есть. Все, как есть!

Секретарь. Давно пора, мадам! Давно пора!

Входят Эгмонт, Горн и Вильгельм. Секретарь выходит.

Маргарита. Я на вас в обиде, господа! Я в большой обиде! Вы давно уже отдалились от меня, а теперь, когда мне так нужны ваши помощь и советы, совсем меня бросаете. Я у вас этого не заслужила.

Горн. Мадам, мы были и остаемся самыми преданными слугами его величества! И наш отказ играть в Государственном совете постыдную роль, которую нам навязали, — это тоже проявление нашей преданности.

Маргарита. Я, конечно, не могу полностью с вами согласиться, но я вас понимаю. Я вас понимаю.

Вильгельм. Мадам, поскольку я больше не королевский штатгальтер, то выслушайте одного из многих фламандцев!

Любая, даже самая разумная мера правительства, обречена на провал, пока Гранвелла остается на своем посту. Что бы вы ни захотели предпринять, это будет сейчас же связано с его именем и воспринято как очередная лживая комедия. Люди, стоящие у власти, заражают народ своим цинизмом гораздо быстрее, чем сами того хотят.

Эгмонт. Вы не можете себе представить, мадам, до чего дошла всеобщая ненависть к кардиналу! Он мне одному обязан, что его до сих пор не убили из-за угла. Но с меня довольно! Я снимаю с себя эту обязанность!

Маргарита. И вы хотите, чтобы я одна боролась с этим чудовищем? Нет, я не ожидала от вас, господи! Подумать только, принц, покойный император относился к вам как к родному сыну, а вы бросаете меня на съедение этому отродью кузнеца! *(Хватает принца за руку, отводит его в сторону.)* Я давно хотела спросить вас, как здоровье бедняжки вашей жены?

Вильгельм *(кланяясь)*. Благодарю вас, мадам, я надеюсь на Бога и на время.

Горн. Ваше высочество! Мы вернемся к исполнению наших обязанностей, как только это станет возможно.

Эгмонт. Когда это произойдет, мадам, вам ни о чем не придется пожалеть!

Маргарита. Что ж, господа, хочу вам верить. Очень хочу! — Я собираюсь послать в Мадрид своего личного секретаря! Будем надеяться. А до тех пор — что ж, наслаждайтесь жизнью!

Глава третья

1. Антверпен. Ван Стрален в сопровождении Рубенса и Людвиг Нассау входит в Собор Богоматери.

Помещение внутри Собора.

Ван Стрален (*обращаясь к священнику*). Худшего места для казни нельзя было отыскать! Неужели они не понимают, что чем больше народа будет при этом присутствовать, тем больше вероятность всяких эксцессов?

Священник. Я никому ничего объяснять не намерен, господин бургомистр! Можете говорить что угодно, но, пожалуйста, не через меня!

Он уходит. Через несколько мгновений вместо него появляется доминиканский монах.

Монах (*устрашающе*). Господин ван Стрален! Почему антверпенский магистрат на каждом шагу чинит нам препятствия?

Ван Стрален. Боже милосердный! Это называется чинить

препятствия! Прикажите, по крайней мере, чтоб завтра никого не пускали наверх. Незачем им залезать на Собор, чтоб любоваться всем этим! Как бы он не рухнул на наши головы!

Монах. Этот Собор, господин ван Стрален, прекрасно построен. Очень надежно. И с него прекрасный вид на город и окрестности. В Антверпене всегда много приезжих. Если кто-нибудь захочет ознакомиться с достопримечательностями Собора, с какой стати мы будем им мешать? Зачем нарушать традиции города?

Ван Стрален. Что вы мне говорите? Да я в этом городе родился! И дед мой, и прадед! А вы вот откуда взялись, хотел бы я знать! Из какой дыры вы выползли?

Рубенс (*хватает его за руку*). Пойдемте отсюда, очень вас прошу! Я завтра сам за всем прослежу!

Трое выходят на улицу.

Ван Стрален. Я знаю теперь, почему они жгут людей! Вера, догматы тут совершенно ни при чем! — Просто им так нравится! Они этого хотят!

Рубенс. А вот вы чего хотите? Чтоб вас обвинили в пристрастии к кальвинистам и отстранили от должности?

Людвиг. Как же им удалось его взять? Кальвинисты так берегут своих проповедников, а Фабриций у них главная знаменитость!

Рубенс. Его выдала одна баба! Она прикинулась новообращенной, стала ходить на собрания, а потом — хлоп! И оказалось, что она не его первого продала! Она раньше работала с анабаптистами!

Ван Стрален. Я бы ей шею свернул, а не имею права даже выслать ее из города!

Людвиг. А здесь не будет того, что в Валансьене?

Рубенс (*понижая голос*). Я навел кое-какие справки, по-видимому — нет!

Ван Стрален. Все равно это произойдет рано или поздно! Если людей планомерно сводить с ума, они в конце концов и сойдут с ума! Сначала кинутся убивать друг друга, а потом войдут войска и добьют тех, кто останется! Вы еще вспомните мои слова!

Скажите, граф, а ваш брат и господа Эгмонт и Горн, что они думают? Они же клялись защищать фламандцев! Гранвеллы теперь нет, а что изменилось? Все только и ждут, что станет еще хуже!

Людвиг. Обо всем этом я собирался говорить с принцем! Я ехал из Бреды в Брюссель, но по дороге мне сказали, что в Антверпене схватили проповедника, и я решил посмотреть, что тут и как.

Ван Стрален. Вы уедете сегодня или останетесь до завтра?

Рубенс. Оставайтесь, граф! Сила сейчас на их стороне, но пусть они видят тех, кто их не боится!

2. У принца Оранского. Вильгельм, Иоганн.

Иоганн. Лучше б я сюда не приезжал! Я не могу этого видеть! Ты стал похож на привидение! Да еще ночами бродишь! — Нет, конечно, ты можешь не верить, но ты заразился. Ты заразился от своей супруги.

Эти болезни, конечно, не чума и не холера, но при близком общении и они передаются.

Вильгельм (*усмехаясь*). Если бы бедная принцесса не спала по ночам от тех же причин, что и я! Насколько счастливее были бы мы все!

Иоганн. Можно подумать, у тебя траур по уехавшему Гранвелле. Посмотри на своих друзей — они целыми днями празднуют свою победу.

Вот вчера граф Эгмонт был на народном гулянье. Он стрелял в попугая, а вокруг все ликовали, прямо как под Сен-Кантенем.

И по-моему, это лучше, чем вот так сходить с ума взаперти!

Вильгельм. Ничего, мой милый, скоро многие загрустят о нашем кардинале. Анекдоты все кончились, лисьи хвосты пришлось выбросить, а впереди ничего веселого не намечается.

Иоганн. Может, не стоило его выгонять?

Вильгельм. Стоило! Чтоб увидеть воочию, как обстоят наши дела! — Я даже говорить об этом не хочу! Одна мысль о том, как управляются Нидерланды, вызывает у меня ярость и отвращение!

Он отворачивается.

Иоганн. Граф Эгмонт сказал мне, что он собирается в Испанию! Это не опасно?

Вильгельм. Не бойся, его жизни ничего не угрожает!

Иоганн. Мы же знаем, что король все на свете делает под диктовку кардинала! Почему бы Гранвелле не воспользоваться случаем и не отомстить?

Вильгельм. Да ты понимаешь, кто такой граф Эгмонт, Ян? Народный герой, кумир фламандской армии! Да если в Испании волос упадет с его головы, это подорвет власть Филиппа в Нидерландах вернее, чем все, что мы делали до сих пор! Ты думаешь, Гранвелла этого не знает? Нет, мой мальчик, мы, возможно, имеем дело с безумцами, но не с дураками!

Иоганн. Неужели им удастся заманить его на свою сторону?

Вильгельм. Заманить! Люди не лесные птички, Ян! Каждый сам делает свой выбор! *(Холодно.)* Я думаю, что Эгмонта в Испании ждут царские почести. Даже его главный завистник герцог Альба постарается не отстать от других. Там знают, как лицемерить во имя высших целей. Вот граф и будет выбирать между благодарностью своих плохо одетых сограждан и милостью монарха, которого обожествляют миллионы ему подобных.

Иоганн. Мы все были уверены, что ты твердо полагаешься на графа Эгмонта!

Вильгельм. Нет! — Я пытался, как ты говоришь, заманить его на нашу сторону и, наверное, еще буду пытаться, но боюсь, что он так и останется на своем собственном месте!

Иоганн. Прости меня, Виллем, ты, конечно, необыкновенный человек, но и ты не можешь бороться один против целого мира!

Вильгельм. Если бы я считал, что я в этой стране один, что бы могло меня здесь удерживать? — Мы же родились в Германии! Мы сами избрали эту страну своей родиной! Не из любви же к наследству Нассау-Шало-

нов! — Нет, я чувствую, я знаю, что я здесь не один. Но я связан по рукам и ногам.

Слуга (*входя*). Прибыл его сиятельство граф Людвиг!

Трое братьев сидят в глубоком молчанье.

Людвиг (*глухо*). Его приговорили к медленному огню. (*Делает паузу.*) Но собралось так много народа, что палач испугался и поспешил его убить.

Иоганн. А народ так и ничего?

Людвиг. Нет! Стояли, как в церкви, и пели псалмы!

Он уже с костра послал прощение женщине, которая его предала, и призвал ее покаяться. — (*Обращаясь к принцу.*) Скажите, ваша светлость, может быть, это судьба всей страны — взойти на эшафот и послать отсюда прощение своим убийцам?

Иоганн. Прекрати, Людвиг! Оставь это красноречие для своих друзей! У меня и без тебя голова идет кругом!

Людвиг. Я только хотел сказать, что я не ищу мученического венца! Я его недостоин! С сегодняшнего дня я нахожусь в состоянии открытой войны с королем Филиппом!

Вильгельм. У тебя нет юридических оснований начинать с ним войну! Власть дон-Филиппа в этой стране — законная власть, потому что ее так или иначе признает весь народ. Признает — значит, поддерживает. И тогда это не война, а бунт! А бунтовщику дорога одна! — Уж лучше помереть от пьянства.

Людвиг. Виллем, вот уже столько лет ты ведешь борьбу

с королем в рамках, так сказать, законности. Ты хоть раз добился того, что хотел?

Вильгельм. Во всяком случае, до сих пор не было открытого провозглашения инквизиции!

Людвиг. Не ты ли сам говорил, что инквизиция и эдикты — одно и то же?

Вильгельм. Для тех, кто становится их жертвой. Но конституции они нарушают в разной степени.

Людвиг. Мне совершенно все равно, Виллем, есть ли конституция в стране, где убивают за веру, или ее там нет!

Вильгельм (*кладя ему руку на плечо*). А ты жаждешь гражданской войны, мой мальчик, чтобы утолить свое чувство справедливости! Но это же и будет взаимным убийством людей из-за веры! Что другое разделяет сейчас фламандцев?

Людвиг. Мы собираемся вербовать в наш союз равно католиков и протестантов!

Иоганн. Мы — это он и пьяница граф Бредероде! Великий Боже!

Вильгельм. Это все хорошо до тех пор, пока сохраняется мир. Как только прольется кровь, они забудут все, кроме одного — что надо бить чужих и мстить за своих!

Людвиг. Неужели ты в самом деле рассчитываешь, что эта кошмарная ситуация так и разрешится без войны?

Вильгельм. Я ни в коем случае не намерен ее ускорять!

Людвиг. А что ты намерен?

Вильгельм. Действовать сообразно обстоятельствам и тому, что мне подсказывает моя совесть!

Людвиг. Вот и мы будем делать то же самое, ваша светлость!

3. У графа Бредероде. Входит Людвиг.

Людвиг (*озираясь*). Бредероде! Бредероде!

Появляется слуга.

Слуга. Ах, ваше сиятельство! Граф Бредероде ждал вас, ждал, а потом был вынужден уйти по срочному делу.

Людвиг. А, черт!

Слуга. Трактирщик отказался отпустить ему вино в долг.

Людвиг. И давно он ушел?

Слуга. Да вы не беспокойтесь, ваше сиятельство, сию минуту будет. Он умеет справляться с этими трактирщиками!

Людвиг. Вы должны каждый раз заранее меня извещать!

Слуга. Нет-нет, ваше сиятельство, граф считает, что пить надо только за собственный счет!

Входит Бредероде.

Бредероде. Мой благородный рыцарь!

Людвиг и Бредероде вдвоем.

Людвиг (*вынимая из-за пазухи бумагу*). Все! Как было шесть подписей, так и осталось! — Подонки! Дерьмо!

Бредероде. Ну что ты, что ты, что ты! Во-первых, выпей, чтоб, так сказать, охладиться. Подобное исцеляется

подобным! (*Пьют.*) Мало ли что не подписывают! Подпишут! — Голова у нас на что? И не таких уламывали! (*Щелкает по бутылке.*) — Ты разве не Нассау? Не родной брат Молчаливого?

Людвиг. Да ненавижу я эти фокусы! Хитрить надо с врагами. А это же мои друзья! — Что они, без меня не знают, что такое инквизиция? Знают прекрасно, иначе бы я к ним не полез! Не такой же я дурак! (*Берет текст.*) Ты только посмотри, как это все сказано! Кем же надо быть, чтоб не подписаться под такими словами!

Бредероде. Говорю тебе, что подпишутся. — Это делается так — собираешь всех вместе. Чтоб те, которые боятся, видели тех, кто уже подписал, перед собой. — Понимаешь, живой человек — это тебе не закорючка на бумаге. А когда их шестеро и они вот так на тебя смотрят, как-то неудобно признаваться, что ты трус. — И вообще, я тебе скажу, большинство людей лучше соображают в компании, а не поодиночке, не все такие, как ты. — А уж когда грянет тост, они так воспарят духом, что все подпишутся как один! Никого даже подпаивать не придется, ну разве что трех-четырех. — А уж подписавшись, они никуда не денутся!

Людвиг. И тогда надо будет сразу же раструбить про это дело. Огласка — великая вещь. Она предаст им уверенность и страх наведет на кого надо.

Бредероде. О! Соображаешь! И они сообразят! Как только подпишутся, так побегут других уговаривать! — Подожди, скоро у нас начнутся свадьбы, народу наедет тьма! У нас будет столько подписей, что за день не сосчитаешь! — Вот тогда пусть кто-нибудь попробует отказать! Да я из него душу вытрясу!

Людвиг. Этот текст надо обязательно размножить Я хочу, чтоб все его читали.

Бредероде. Мы его... это... золотыми буквами на страницах истории! (*Пьет.*) Пошли к Кулембургу! Нечего нам время терять!

Бредероде, Людвиг и Кулембург.

Кулембург (*читает текст «Компромисса»*). Великолепно! Стиль — выше всяких похвал. Кто это составлял?

Людвиг. Сент-Альдегонд⁶! Вы его знаете?

Кулембург. Очень много слышал. Но такого я просто не ожидал! — Гораций! Вергилий! — Только неотесанное мужичье откажется подписаться под этим совершенством.

Бредероде (*пьяный, очнувшись при этих словах*). Вот-вот! Ты им так и скажешь! Только не забудь!

Людвиг. Значит — в среду!

Кулембург. Да, так удачно! Мне обещали в среду привести одного проповедника. Это что-то необыкновенное! — Ему, правда, всего двадцать лет, но возраст не препятствие для таланта.

Людвиг. А что он проповедует?

Кулембург. Ах Боже мой! Ну что вообще проповедуют проповедники? Главное — как он это делает! С каким

⁶ Филипп Марникс де Сент-Альдегонд — писатель, дипломат, видный деятель Нидерландской революции.

мастерством! — Гортензий! Цицерон! — Может, вы боитесь, граф, что он помешает вашей, то есть нашей затее?

Людвиг. Наоборот! Пойдет в дело!

Бредероде. Пусть себе проповедует что угодно! Главное, чтоб подписываться не отговаривал!

4. Перед заседанием Государственного совета.

Герольд. Господа, ее высочество приглашает вас в зал заседаний!

Все переминаются с ноги на ногу, но в зал не идут. В гробовой тишине слышно, как Аршот вполголоса говорит своему собеседнику.

Аршот. Самое красивое в этой картине — это плащ Богородицы. Он темно-синий, но как будто излучает свет. Думают, что в краску добавляли особый порошок, которого теперь нет. — Король...

Все вздрагивают.

Собеседник. Да-да?

Аршот. Король очень хотел увезти ее в Испанию, но власти Брюгге заказали для него прекрасную копию, а эту оставили у себя.

Герольд. Господа! Ее высочество просит вас занять свои места!

Старый сановник. Пойдемте, вынесем свой смертный приговор!

В зале заседания.

Маргарита. Зная вашу искреннюю преданность монарху, ваше попечительство о судьбе народа, ваше глубокое понимание фламандских сердец, я хочу полностью положиться на ваше решение, господа! — Требование его величества своевременное и справедливо! Я верю, что мы будем единокорны в стремлении исполнить королевскую волю! Но самое важное для нас — сделать так, чтобы новые постановления встретили должное понимание и повсеместную поддержку. Мы должны приложить все усилия, для того чтобы не ошибиться при выборе наиболее подходящего момента.

Старый сановник (*вскакивая*). Вы совершенно правы, мадам! Осторожность — политика мудрых! Надо немедленно сообщить его величеству, в какой ситуации мы находимся! Сейчас не время что-нибудь скрывать или приукрашивать!

Горн. Сейчас совершенно неподходящее время, мадам, чтобы расширять религиозные преследования!

Мегем. Вашему высочеству хорошо известно, что среди дворянской молодежи составилась настоящая заговор против инквизиции! И в нем участвуют такие головорезы, что они только и ждут повода показать, на что они способны!

Вилиус. Да-да! Мы об этом слышали! Это чем угодно может кончиться!

Берген. В некоторых городах все население заражено гугенотской ересью! Что прикажете делать в подобных случаях?

Горн. Любая отсрочка была бы сейчас на пользу!

Аршот. А дальше что? Ведь рано или поздно все равно придется вводить инквизицию! Неужели кто-нибудь этого не понимает?

Эгмонт (*тихо принцу Оранскому*). Принц, клянусь вам, я даже заподозрить не мог, что дон Филипп пошлет за мною следом такие чудовищные распоряжения! Меня... меня просто обманули!

Вильгельм. Воля короля выражена ясно и определенно. И подкреплена целым рядом доводов. Медлить с ее исполнением — это значит навлечь на себя обвинения в злом упрямстве!

Маргарита (*с облегчением*). Стало быть, принц, вы не против того, чтобы немедленно опубликовать королевские декреты?

Вилиус. Нет-нет! Этого делать сейчас нельзя! Я готов взять это на себя! Пусть я подвергнусь королевской немилости! Мы слишком многим рискуем!

Маргарита (*тихо Барлемону*). Что делать? У меня уже сейчас лежит целая кипа адресов по поводу религиозных гонений! Я даже боюсь кому-нибудь об этом говорить!

Барлемон (*так же тихо*). От кого вы надеетесь это скрыть, мадам? Уж не от Молчаливого ли? Все эти адреса — дело его рук! У него во всех магистратах свои люди!

Маргарита. Царица небесная!

Барлемон. Хорошо бы потянуть месяц-другой. Авось что-нибудь изменится.

Маргарита (*злым шепотом*). Что, что изменится? Может быть, король изменится?

Вильгельм (*продолжает*). Что нам дали все представления, которые мы ему делали, все письма и все посольства, которые мы ему отправляли? Ничего! Чего же нам еще ждать? — Неужели мы должны навлечь на себя его гнев, желая оказать ему, на свой страх, услугу, за которую он нас не поблагодарит?

Маргарита (*поспешно*). Итак, господа, кто за то, чтобы безотлагательно опубликовать декреты его величества?

Принц Оранский первым поднимает руку, за ним — все остальные. Государственный совет начинает расходиться.

Вильгельм (*громко*). Теперь у нас разыграется самая страшная трагедия, которую когда-нибудь видели!

У принца Оранского.

Вильгельм (*входя*). Симонсена ко мне!

Слуга выскальзывает из двери. Появляется Симонсен.

Симонсен (*с поклоном*). Ваша светлость!

Вильгельм. Симонсен, нам надо немедленно заняться сокращением наших расходов!

Симонсен (*прищурившись*). Немедленно, ваша светлость? Не смею возражать! (*Вынимает из-за пазухи сложенный лист.*) Как известно, самым дорогостоящим учреждением, нам подведомственным, является кухня. Мне доставит огромное удовольствие уволить оттуда сегодня же двадцать семь человек. — Охоту мы давно уже содержим чисто символически — плюс еще тридцать шесть человек. Собак и соколов нужно будет кому-нибудь незаметно подарить, лошади нам самим пригодятся!..

Вильгельм. Симонсен, да вы что — колдун?

Симонсен (*выпрямляясь по-военному*). Никак нет, ваша светлость, я имею честь быть главным управляющим вашей светлости! И считаю своим долгом, как достойный капитан, быть готовым в любой момент изменить курс своего корабля. Особенно, ваша светлость, когда, вот как сейчас, начинает штормить, а в море полным-полно пиратских бригов.

Вильгельм. Вы были моряком, Симонсен? Я этого никогда не знал!

Симонсен. Нет, ваша светлость. Но мой отец в особо важных случаях всегда выражался по-морскому! — Он был родом зеландец и, как все зеландцы, любил море. — Но еще больше он любил свободу! Потому-то, женившись на моей матери, он переселился в славное герцогство Брабантское, чтобы дети его, по праву здешних уроженцев, пользовались правами и привилегиями, которые дает великая хартия «Радостный въезд». Так вот и случилось, что я родился в этой прекрасной стране.

Вильгельм. Да, а я приехал сюда в первый раз, когда мне было одиннадцать лет.

Симонсен. Я помню этот день, как сейчас! Хороший это был день, правда, ваша светлость?

Вильгельм. Правда, Симонсен!

5. Замок неподалеку от Брюсселя. В старинном зале, за столом, уставленном бутылками, множество молодых людей.

Людвиг (*во главе стола*). Почти все магистраты отказа-

лись от исполнения королевских декретов и грозят отставкой, если их вздумают принуждать! Такого еще никогда не было! Это наша первая победа!

Первый из гостей. Ну, Людвиг, ты немножко перегнул. Это, конечно, очень хорошо, но при чем тут мы?

Людвиг. Ты что считаешь? Что мы должны думать о собственной славе? Мы собрались тут не ради славы, а во имя свободы! И каждый шаг на пути к ней — это наша победа! Мне совершенно все равно, чьими руками она совершается. Каждый, кто отстаивает свободу совести, — наш, даже если он не слышал никогда о нашем существовании.

Бредероде. Вот-вот! А пора бы и услышать! Сейчас самое подходящее время заявить о себе. Чего еще ждать? — Завтра же сядем на коней — и в Брюссель! Известим герцогиню — все честь по чести. А через несколько дней отправимся к ней смиренными паломниками, и все вместе, чтоб видела, сколько нас! Вручим ей этот текст — пускай читает, и на словах добавим все, что надо. — И пусть нас слышат и видят!

Второй из гостей. И все же мне хотелось бы выяснить одну вещь.

Людвиг (*подозрительно*). Это какую же?

Второй. Какая вера истинная?

Людвиг. Знаешь что? Я тебе выдам сейчас полный текст Священного Писания — и до утра ты вполне успеешь разобраться!

Хозяин замка. У меня тут еще целый шкаф с сочинениями святых отцов.

Третий. Это нечестно, ребята! Так он выслушает только одну сторону! Дайте ему еще Лютера и Кальвина!

Остальные (*наперебой*). Цвингли! Гуса! Меланхтона! Эко-лампадия! Марсилия Падуанского!

Второй. Вы изощряетесь совершенно напрасно. Мне эти книги не понадобятся ни сейчас, ни потом. — Я ничего в них не пойму! Я не богослов, я самый обыкновенный грешник! И вот по этой-то причине мне бы очень не хотелось оказаться на стороне тех, кто не прав!

Людвиг. Да мы же не собираемся ниспровергать какую-то религию! Мы выступаем против инквизиции! Против пыток, бесчеловечных казней!

Второй. Правильно! А против кого все это направлено? Против протестантов! Вот и получается, что мы становимся на их сторону!

Первый (*ударяя кулаком по столу*). Да я под страхом смерти не откажусь от католической веры! Но где она — и где костры и пытки? Это все испанцы придумали, будь они прокляты, каиново отродье!

Второй. Врешь ты, мой милый! Костры были всегда! Просто тех, кто норовит на них попасть, было гораздо меньше!

Хозяин замка. В общем, получается, что ты очень любишь костры и все такое!

Второй. Не люблю! И даже очень боюсь! Но я и другого боюсь — вдруг окажется, что все это правильно, а я против этого восстаю!

Я не трус, я неплохо умею воевать, вы это знаете! А вот в таких вещах мне самому не разобраться, я человек простой и грешный.

Людвиг. Я уже наслышался про то, какой ты грешный, старина! Я только никак не пойму, почему тебе нужно, чтобы другие горели за твои грехи?

Второй. А разве будет справедливо, если мне придется гореть за их грехи? И притом на вечном огне?

Бредероде. Знаешь, я тебе дам хороший совет! Принимай протестантство! И тогда у тебя за спиной всегда будет большинство, которое все твои сомнения будет решать за тебя!

Второй. А кто я такой, чтобы самолично выбирать себе религию? Мои предки веками веровали по-другому, а они-то наверняка были лучше меня.

Бредероде. Ты тут еще будешь рассказывать мне о предках! Тебе известно, кто были мои предки? И что с того? — Вот я пойду к герцогине, что я ей скажу — «Ваше высочество! Ваше высочество!» Я же не стану говорить — «Ах ты ублюдок, потаскухина дочка!» А ты о предках! — Предки они всё — свое дело сделали! Теперь очередь за нами!

Брюссель. Королевский дворец. Маргарита Пармская в окружении своих сановников.

Мегем. О чем тут еще спорить? Запереть перед ними ворота, и первого, кто что-нибудь себе позволит, пристрелить на месте!

Гоохстратен. Полегче, граф! Это не банда грабителей, а люди хорошо нам всем известные, связанные с нами родством и дружбой. И они заранее уведомили о своих намерениях, притом в самой почтительной форме.

Барлемон. Эта смесь наглости и смирения ничего хорошего не предвещает!

Маргарита. Мне кажется, если мы с самого начала пойдем на уступки, то кончится это... я уже не знаю чем!

Старый сановник. Они уже здесь, их много, они соответственно настроены! Если мы их прогоним, они обязательно начнут возбуждать городскую чернь, даже если сейчас у них нет такого намерения!

Барлемон. Можно сделать еще проще. Впустить их во дворец и тут же всех перерезать. Нашего гарнизона вполне на это хватит!

Вильгельм. Я надеюсь, барон, вы не рассчитываете, что кто-нибудь из нас поддержит такое легкомысленное предложение?

Подходит к Маргарите.

Вильгельм. Мадам, эти люди просят того, на что имеет право последний нищий! Если мы откажемся их впустить, мы всенародно продемонстрируем крайнюю слабость правительства, и тогда кто угодно захочет воспользоваться этой слабостью!

Горн. Да, мадам, так оно и есть!

Вильгельм (*увещевает ее, как ребенка*). Мы не можем каждого, кто высказывает интерес к общественным делам, подозревать в корысти, тщеславии и прочей недобросовестности. Так бывает очень часто, я с этим не спорю! Но если мы решим, что по-другому не бывает, мы дойдем до полнейшей нелепости. А мы и так от нее не далеки!

Монтиньи. Мадам, есть прекрасный способ их обезоружить.

жить — это оказать им милостивый прием. Они от него растают, ведь они же дети!

Маргарита. Да не желаю я их принимать! Они мне совершенно не нужны!

Вильгельм. Очень жаль, мадам! Гораздо умнее было бы использовать их рвение и их самих. Положение сейчас очень неустойчивое, никаких директив из Мадрида нет, и неизвестно, сколько их ждать. Раз их так волнует общественный порядок — почему бы им не взять на себя его поддержание?

Эгмонт. Мы им скажем, что это их прямой долг. Многие из них были на войне, приносили присягу. И кроме того, существуют обязанности, которые накладывают происхождение и образование.

Улица, ведущая к королевскому дворцу.
Будущие «гёзы» движутся, взявшись за руки, по четыре в ряд. Уличная толпа смотрит на них, разинув рот.

Та же колонна поднимается по лестнице дворца. Обменявшись многозначительными взглядами, молодые люди начинают заполнять зал. Маргарита Пармская стоит в окружении своих сановников, опираясь на руку Барлемона.

Бредероде отвешивает герцогине церемонный поклон, вслед за ним — все остальные. Те, которым не удалось войти в зал, толпятся за дверьми, привстают на цыпочки, чтобы не упустить ничего из разыгрываемого действия. Маргарите при виде их количества делается страшно. Глаза ее наполняются слезами.

Барлемон (*герцогине, но довольно громко*). Помилуйте, мадам! Кого вы испугались? Это же кучка нищих! Les geueux!

На улице. Паломники возвращаются из дворца. Они целуются, танцуют, хлопают в ладоши, скачут на одной ноге.

Раздаются крики. Ур-ра! Да здравствует свобода! Да здравствует король! Долой инквизицию! — К Кулембургу! Ур-ра! Все к Кулембургу!

Людвиг (*к Бредероде*). Я с вами не пойду!

Бредероде. Ты что, не хочешь отметить такое дело?

Людвиг. Нельзя терять ни минуты! Все эти обещания «рассмотреть и разработать» — ни черта не стоят. Мы должны срочно оповестить кого только можно, что наше дело выиграно. Что эта ведьма нам клятвенно обещала навечно отменить инквизицию! А доказательство — вот оно! Мы живы и на свободе! Пускай потом расхлебывают, как хотят!

Бредероде. Людвиг, ты — Юлий Цезарь! Прости, что я сравнил тебя с язычником. — А ты думаешь, кто-нибудь в это поверит?

Людвиг. Кто этого захочет, тот и поверит. Каждый верит в то, что ему больше нравится.

Попойка в доме Кулембурга.

Первый гость. Хорошую штуку придумал Нассау!

Другой. Еще бы! Не для того же мы это затевали, чтобы теперь попрыгаться по углам!

Бредероде. Да, мы непременно должны выполнить приказ нашего генерала. Я, пожалуй, завтра же поеду в Антверпен. Там есть где развернуться! Я люблю большие масштабы!

Крики. Да здравствует свобода! — Да здравствует король! — Да здравствует Фландрия!

Бредероде. Да здравствуют... (*Задумывается.*) А как же мы называемся?

Третий гость (*соседу*). Но как она задрожала! А Барлемон ей — «Мадам! Да кто это такие! Les geueux!»

Бредероде. Правильно — гёзы! Лучше не придумаешь! — вы слышите? Да здравствуют гёзы!

Все (*орут, не разобравшись*). Да здравствуют гёзы!

По улице несется ватага мальчишек.

Мальчишки. Ур-ра! Да здравствуют гёзы! Да здравствуют гёзы!

Зал Государственного Совета. Участники собрания занимают свои места.

Гоохстратен (*с видом заговорщика, на ухо Монтины*). Да здравствуют гёзы!

Маргарита (*обращаясь ко всему собранию*). Бредероде и его так называемый «Союз» просят нас об уничтожении инквизиции и эдиктов! При этом они клянутся,

что ими руководит сугубая преданность его величеству и стремление служить ему верой и правдой! — Теперь я спрашиваю вас, рыцари Золотого Руна, советники короля и государства, не вы ли сами подавали голоса в пользу этих эдиктов и признавали их вполне законными? Как же могло случиться, что то, что прежде считалось законным, стало теперь варварским и бесчеловечным? Уж не потому ли, что сейчас эти меры необходимы более, чем когда-либо?

Все молчат. Затем раздается голос Монтиньи.

Монтиньи. Что же, ваше высочество, вы считаете, что если мы однажды совершили ошибку, то мы уже до Страшного Суда не должны ее исправить?

Маргарита. А почему вы называете это ошибкой? Потому что так хочет городская чернь и эти мальчишки, одуревшие от безделья и пьянства? С каких это пор инквизиция стала чем-то необыкновенным? Разве она не служила во все времена оградой вокруг святыни, божьим орудием для уничтожения безверия и ересей? — Как же отказаться от нее сейчас, когда над истинной верой нависла такая угроза? — Мы должны быть готовы на любые жертвы! Чем мы ни пожертвуем, всего будет мало!

Вильгельм. Именно так, мадам, именно это и должно заботить нас больше всего — безопасность католической церкви, а не сохранение каких-то мер, которые себя не оправдали! И эдикты, и инквизиция были потребностью времени, но это время уже миновало! — Посмотрите, как распространилась новая религия в течение немногих последних лет! — Разве это не доказательство, что костры и мечи — совершенно бесплодное средство против нее? — Мужество и твердость мучени-

ков новой веры только увеличивают число ее сторонников. Именно этим всегда и пользуется ересь. — Если же на нее посмотреть с презрением, то она распадается в ничто. Стоит ей потерять очарование новизны и запретности, как сотни и тысячи начнут от нее отворачиваться.

За примерами далеко ходить не надо! Наш великий император, убедившись в бесполезности гонений, даровал Германии веротерпимость, и распространение ереси в этой стране сразу же пошло на убыль! — Мы уверены, что если бы не советы некоего Гранвеллы, то наш всемилостивейший король Филипп давно бы уже склонился к политике разума и милосердия.

Сторонники Оранского шумят, выражая свое одобрение.

Маргарита. Я хотела бы выслушать еще чье-нибудь мнение! (*Барлемону*) Каковы будут ваши аргументы, барон?

Барлемон. Я бы назвал их контраргументами, мадам! — Казна пуста! Солдат у правительства мало! — Если его величество не поможет нам тем и другим, то нам придется играть в дипломатию с этими оборванцами, с этими прелестными гёзами.

Маргарита. Тогда, господа, извольте взять на себя труд и объяснить этим людям, среди которых не только ваши вассалы, но даже ваши сыновья, что мы не можем полностью отменить инквизицию и эдикты, не имея на это санкции короля! — Мы обещали разработать «Смягчение», мы, конечно же, это сделаем, но и для этого необходимо согласие короля, пусть они поймут, в конце концов!

Теперь вот что! Дело это непростое! Случай совершенно беспрецедентный, вы не хуже меня понимаете это!

Я не могу ограничиться тем, чтобы отправить к его величеству простого гонца! — В Испанию должен поехать один из вас, и даже не один!

Барлемон (*тихо*). Всех бы их туда послать!

Берген (*вставая*). Несомненно, мадам, это наш долг, это вопрос чести! Я готов дать его величеству любые объяснения!

Вильгельм. Мне кажется, сейчас не время оставлять страну без штатгальтеров! Мы ничем не гарантированы от народных волнений, мы на пороге гражданской войны! Кто может заменить в такой момент...

Маргарита (*перебивает его, вне себя от гнева*). Вильгельм Оранский, не кажется ли вам, что вы потеряли всякую меру! — Да, народ волнуется! А ваш родной брат его подстрекает!

А сами вы что делаете? Кто вытащил на свет все эти хартии и конституции, о которых давным-давно все позабыли? — А теперь, когда дело дошло до крайности!.. Нет, нет!

(*Обращаясь ко всем.*) Я верю вам, господа! Узы, которые связывают вас с королем, священны! Вы не посягнете на них! Вы не нанесете его величеству такого!.. (*Ее голос прерывается. Она чуть не рыдает.*)

Монтиньи. Вы можете быть уверены, мадам, что мы не дадим никакого повода усомниться в нашей верности королю! Мы ни разу ее не нарушили! Мы чисты перед его величеством и не боимся встречи с ним!

Я готов ехать вместе с маркизом де Бергеном! — Если в том, что произошло в этой стране, есть доля моей вины, то я собираюсь не прятаться, а исправить это!

Глава четвертая

1. Проповедь. Множество народа в длинном бревенчатом сарае, освещенном несколькими тусклыми фонарями. Проповедник — невзрачный человек лет за сорок — сидит за маленьким столом, со всех сторон зажатый людьми.

Проповедник. Что же ответил Павел коринфянам? Чем доказал им, что он истинный слугитель Божий, истинный апостол Христов? — А вот чем: три раза, говорит, меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение и много раз бывал в опасностях, в труде и в изгнании, в бдении, в голоде и жажде, на стуже и в наготе. Не было у него богатого облачения, не махал он золотым кадилом в разукрашенном храме. — Но и тем, что было у него драгоценного, не стал он хвалиться, братья, — ни ученостью своей великой, ни даже чудесами и знаменьями, которые были ему явлены! — А тем только, что ради любви Христовой был в трудах и темницах, безмерно в ранах и многократно при смерти!

Слышится стук копыт, ржанье, голоса и стук в дверь. Все вздрагивают, испуганно шепчутся.

Раздается возглас. Все пропало! Нас предали!

Снова стук. Крики — «Отворите! Это друзья!» Дверь открывается. Входят трое в дворянской одежде. Другие, прибывшие с ними, из-за тесноты остаются на улице. Вошедшие несколько растеряны, смущенно улыбаются, затем срывают с себя шляпы.

Первый гёз (*кланяясь проповеднику*). Добрый вечер! Мы вам не помешали?

Второй гёз. Друзья! Мы пришли сказать вам, что отныне и вовек в прекрасной земле Фламандской каждый может веровать в Бога так, как велит ему совесть! (*К проповеднику.*) А? Что вы на это скажете?

Проповедник (*спокойно улыбаясь*). Скажу, что это неотъемлемое право каждой живой твари!

Второй гёз. Ну вот, теперь этого права никто отнять не посмеет. А если посмеет, то будет иметь дело с нами!

Проповедник. Кто вы, друзья мои?

Второй гёз. Мы — гёзы! Мы поклялись защищать свободу совести от всех, кто на нее посягает!

Проповедник. А как же к этому отнеслись те, которые посягают?

Первый гёз. Ну, знаете... правительница уже приостановила действие эдиктов. Но ей необходимо разрешение из Мадрида, вы же понимаете!

Второй гёз. У нас много сторонников, сударь! Собственно, все порядочные люди — наши сторонники! Уже сейчас многие магистраты решили вести дело так, как будто инквизиция и эдикты полностью отменены! И если все их поддержат, то религиозная свобода ста-

нет просто совершившимся фактом. А факт такая вещь, что даже королю Филиппу будет трудно ее не признать.

Проповедник (*покачивая головой*). Да, это было бы очень хорошо!

Первый гёз. Почему же вы сомневаетесь?

Проповедник. Свобода — вещь полезная. И есть такие слова: вера делает человека свободным. Но никто еще не обретал веру при помощи королевского указа.

Второй гёз. Но вы же для чего-то проповедуете!

Проповедник (*оглядывая сарай*). Да, в темноте и по ночам!

Третий гёз (*совсем еще мальчик*). Сударь, мы как раз с этим к вам и пришли! Такой сарай не может вместить всех, кто желал бы услышать проповедь! Сейчас тепло и земля уже высохла — можно было бы собраться прямо в поле! Наши люди будут вас охранять!

Проповедник. Благодарю вас, друзья! Но с тех пор, как за мою голову назначили цену, я стараюсь не задерживаться ни в одном месте. Завтра я должен быть в Турнэ.

Гёзы. Мы поедem с вами! Мы будем вас сопровождать!

Проповедник. Ну-ну! Такой эскорт! Я думал только раз в жизни его удостоиться!

Второй гёз. В день казни, да? А мы их перехитрим — мы будем каждый день устраивать вам такую свиту!

Проповедник. Эх, правительство Нидерландов так высоко оценило мои заслуги, что кто-нибудь да найдется, чтобы взять эти деньги себе!

Турнэ. Магистрат. Бургомистр, его помощники, инквизиторы.

Тительман. И вы смеее говорить, что вы приняли должные меры! Пройдите по городу! В нем ни души нет! Все до одного на проповеди!

Бургомистр (*спокойно*). Ваше преподобие, я безмерно вас уважаю, но тут я вынужден заметить, что вы не правы. (*Поднимает листок.*) Вот, пожалуйста, четко и ясно — все эдикты сохраняют силу; все, слушающие проповедь, будут преданы казни, независимо от того, мужчины они, женщины или дети! — Было расклеено на всех углах. Для тех, кто притворяется неграмотным, трижды оглашали герольды. Получается, что эти люди сами выбрали свою судьбу!

Тительман. Да я слушать не хочу ваши рассуждения! Дьявол, принявший человеческое обличье, проповедует в двух шагах от города, а вы палец о палец не ударяете, чтобы его поймать!

Бургомистр. Ваше преподобие, вы лицо духовное, а я много лет воевал под началом нашего великого императора! И я придерживаюсь такого правила — когда нет возможности дать сражение, то отступают и ждут.

Тительман. Чего ждут?

Бургомистр. Подкрепления, ваше преподобие!

Тительман. Какого же подкрепления вы ждете, хотел бы я знать?

Бургомистр. Самое надежное подкрепление, которого нам осталось ждать, — это испанская армия, ваше преподобие! Ну, может, до тех пор правительница придумает что-то временное!

Тительман. Это правильная мысль, насчет испанской армии, очень правильная! Но почему сегодня надо сидеть сложа руки? У вас же есть гарнизон! Вышлите его против них!

Помощник бургомистра. Ваше преподобие, наш гарнизон очень мал! Кроме того, еретики теперь вооружены! Их охраняет целый отряд этих негодяев, которых наwerbовал брат Молчаливого!

Тительман. Да что же, ваши солдаты стрелять не умеют? Посылайте их немедленно, пусть делают, что могут!

Лесная опушка. Огромная толпа окружает телегу, на которой стоит проповедник. Кольцом вокруг толпы гёзы на лошадях. На деревьях мальчишки.

Один из мальчишек (*кричит*). Отряд всадников из Турнэ!

Первый гёз (*кричит проповеднику*). Спасайтесь в лес! Мы сумеем их задержать!

Всадники приближаются. Некоторые из них стреляют в воздух.

Проповедник (*неожиданно властно*). Не расходитесь! Это люди, которые хотят услышать Слово Божие!

Всадники подъезжают и останавливаются недалеко от гёзов.

Проповедник (*громко*). Филистимляне воевали с Израилем, и побежали Израильтяне от Филистимлян, и падали, пораженные!.. Потому что дух Господень отошел от царя их Саула, а истинного своего царя, Давида, они еще не знали!..

Город Харлем. Ночь. На горизонте начинает расти первая полоска рассвета. Несколько человек бегают по улицам, стуча в окна.

Первый. Эй, вставайте, выходите! *(В окне появляется сонное лицо.)*

Сонный. А не слишком ли рано?

Первый. Бургомистр велел, чтобы ворота открыли на два часа позже времени! Придется перелезть через стену! — Все наши уже там! Бери лестницу и выходи!

У городской стены. Люди перелезают через стену. К ним подходят новые. Несколько всадников несутся следом за ними. Один из них — бургомистр Харлема.

Бургомистр. Остановитесь, безумные! Вы торопите свою погибель!

Парень *(стоящий наверху лестницы)*. Вот ведь как, господин бургомистр! Вы придумали запереть ворота, но небо от нас запереть не удастся! *(Все хохочут.)*

Бургомистр. Напрасно ты смеешься, Питер, напрасно! Когда придут испанцы и станут тебя колесовать, клянись тебе, я не буду смеяться!

Питер. А кто это вам сказал, что меня испанцы колесуют? Кто вам сказал, что я им дамся? — Пускай приходят, посмотрим еще, что здесь будет! А пока я пойду, послушаю о том, что меня касается!

2. Антверпен. На маленькой площади — толпа, разделенная на две группы.

Первый горожанин. И нечего нас обзывать еретиками!

Сами вы и есть еретики! Идолопоклонники! — У вас попы не женятся, а только и знают, что блудить! Посты проповедуют, а сами жиреют, как свиньи!

Второй горожанин. А ты когда-нибудь видел человека, который не грешит? Лучше быть смиренным грешником, чем так гордиться, как вы! — Подумаешь, сходили два раза на проповедь, прочли три листа из Писания — и уже святыми себя воображают!

Третий горожанин. Знаем мы вас, смиренных грешников! Вы сироте дадите с голоду подохнуть, зато будете золотом увешивать ваши поганые капища!

Четвертый горожанин. Стыдно вам, брабантцы! Как можно называть таким гнусным словом храмы, где молились ваши отцы!

Первый горожанин. Отцы, отцы! Отцы ели кислый виноград, понятно?

Начинается всеобщий крик. Кто-то швыряет камень, который попадает в окно дома на площади. На балконе появляется Бредероде.

Крики. Граф! Граф! — Они хотят нас всех перебить! — Они боятся, что теперь отменят костры!

Бредероде. Сograждане! Вы получили свободу не затем, чтобы поубивать друг друга, но чтобы жить! Жить в свое удовольствие! — Каждый как хочет — так и живет. Как хочет — так и верует. А самое главное — пьет, сколько ему угодно, и закусывает тем, что ему больше нравится. — Одни любят постное — пускай закусывают

селедкой! Другие предпочитают, скажем, ветчину или колбасу — на здоровье! Пусть их никто не принуждает! Пусть себе закусывают колбасой, независимо от времени года и дня недели!

Один из толпы (*тихо*). Пьяная сволочь!

Второй (*громко*). Вы изволите шутить, граф, а мы своими глазами видели, как за кусок этой самой колбасы в страстную пятницу человека на смерть отправили!

Бредероде. Ничего! Больше уже не отправят! Пусть все это слышат и запомнят! А теперь, друзья мои, выпьем в честь этого, а также за здоровье нашего доброго короля Филиппа, который всех нас без разбора любит, как родных детей!

Второй (*тихо*). Больше они не будут! Они нам еще за старое ответят!

Брюссель. Правительница принимает делегацию из Антверпена.

Первый делегат. Ваше высочество! Мы сидим на пороховом складе! С каждым днем положение становится все хуже!

Маргарита. Антверпену стало трудно, и Антверпен просит меня о помощи! А где же вы были в те дни, когда все к этому шло, а вы словно сговорились ничего не замечать? Да я уверена, что ван Стрален никогда и не читал моих распоряжений! Он поступал так, как ему было угодно! Или кому-нибудь еще!

Второй делегат (*понижая голос*). Мадам, выслушайте меня внимательно! Поймите, что Антверпен как торго-

вая столица страны и всей Северной Европы больше не существует! Корабли боятся в него заходить. Иностранные фирмы ликвидируют свои дела. — Я уже не говорю, каковы размеры эмиграции и во что она нам обойдется! — И все же все это можно исправить! Но если дело дойдет до того, что город совсем перестанет существовать, то исправлять будет нечего! — Неужели король будет рад потерять город, который один дает ему больше, чем все рудники Америки, вместе взятые?

Маргарита (*закусив перо*). Чем я могу вам помочь? Кто я для Антверпена? Принц Оранский самовольно объявил себя в отставке, я его отставку не утверждала, но я же не могу отправить его туда насильно!

Идите к нему! Просите, умоляйте! Может быть, его светлость снизойдет к вашим просьбам!

У принца Оранского.

Вильгельм. Что может дать мой приезд? Вы же прекрасно знаете, что все дело в проповедях! Запретить их я не смогу, даже если у меня будет такое желание. Разрешить их открыто — таких полномочий мне никто не даст. — Мой приезд будет совершенно бессмысленным!

Первый делегат. Ваша светлость, понимаете, они просто обезумели и, как безумные, не знают, чего хотят! И все в один голос требуют вас! Как только они вас увидят, они сразу же успокоятся, пускай на какое-то время. А дальше, уже на месте, вам будет виднее, что делать.

Второй делегат. Ваша светлость, если кальвинисты кинутся убивать католических священников, никто даже не рискнет за них заступиться.

Те же в кабинете правительницы.

Маргарита (*Вильгельму*). Кузен, такой человек, как вы!
Наследник таких великих предков! Такой патриот! Как вы можете оставаться в стороне от общественных дел в трудный час отечества!
В Антверпене ждут вас! Только вы способны установить мир в этом несчастном городе!

Въезд Оранского в Антверпен. Вильгельм и Гоохстратен в сопровождении свиты.

Гоохстратен (*привстав в стременах*). Ну и дела! Вы только посмотрите, что творится!

Навстречу им движется огромная толпа. Она расступается, образуя коридор, и, пропустив принца со свитой, движется за ними.

Раздаются крики. Да здравствует принц Оранский! —
Смотрите, вот кто несет нам свободу! — Да здравствуют гёзы! Да здравствует свобода!

Вильгельм (*Гоохстратену*). Они и в самом деле с ума посходили!

Гоохстратен. Сейчас их уже не разогнать!

Вильгельм. Ван Стрален должен был предупредить это!

Гоохстратен. А что он может, если здесь все время так!

Они приближаются к ратуше.

Крики. Принц! Принц! — Наш спаситель! Наш избавитель! — Нечего нам больше ездить в Брюссель! — Он не даст нас в обиду!

Вильгельм (*Гоохстратену*). Ей-богу, им бы следовало подумать о том, что они делают! Не пришлось бы потом раскаиваться!

Принц со свитой входят в ратушу. Народ не расходится. Все кричат — «Слава принцу Оранскому!»

Ван Стрален (*выходя на балкон*). Его светлость приказывает всем расходиться! Он должен немедленно заняться рассмотрением важных дел!

Народ начинает расходиться.

Первый горожанин. Хорошо бы теперь прогнать этих гёзов! С ними покою не будет!

Второй. Лучше всего прогнать всех папистов!

Третий. А принц Оранский сам папист!

Второй. Как ты смеешь обзывать нашего принца!

Третий. Почему обзывать? Он католик или нет?

Второй (*замахиваясь*). Ничего ты не понимаешь!

Первый (*разнимая их*). Тише-тише! Граф Гоохстратен сказал, что если будет какая-нибудь заварушка, он всех перерубит, и правых, и виноватых!

Ратуша. Принц, магистрат и проч.

Ван Стрален. Ну вот. Теперь они несколько дней будут радоваться, а что будет дальше — известно только Богу.

Вильгельм. Господа! Герцогиня наотрез отказалась разрешить проповеди в черте города! Но в вашем распоряжении, несомненно, есть какие-то помещения

в предместьях — пустующие склады или что-нибудь еще. Найдите три таких места, лучше всего это сделать сегодня же! Мы их временно предоставим сектантам для собраний — это не решение проблемы, но какой-то выигрыш во времени!

Ван Стрален. Да, это будет очень хорошо! Потому что, пока погода хорошая, то они все первохристиане и святыые подвижники. А как только пойдет дождь, — сразу начинают кричать, что в городе стоят пустые церкви, а у них на эти здания те же права, что у католиков. — И, между нами говоря, это так и есть! Вообще, когда в поле собирается толпа в сорок тысяч, то просто непонятно, что им мешает кинуться в город и силой взять то, что они хотят!

Вильгельм. Им мешает только то, что основных направлений — три, а не одно. И многие к тому же еще не выбрали, куда примкнуть. Ничто другое, к сожалению, их не сдерживает.

Ван Стрален. Вы сказали — три основных направления, ваша светлость? Что же, выходит, есть еще какие-то?

Вильгельм (*не отвечая на этот вопрос*). Господин бургомистр, если среди этих пустых зданий в предместьях найдется какая-нибудь недействующая церковь, то ее надо будет отдать лютеранам.

Рубенс (*вполголоса*). Вы отдаете им предпочтение, принц?

Вильгельм. Им отдает предпочтение Максимилиан Второй, император Германии, господин Рубенс. (*Поворачивается к ван Стралену.*) Господин бургомистр, мы должны постараться разрешить все спорные дела, все тяжбы, которые имеются в Антверпене между людьми и между корпорациями. Личные счета всегда подли-

вают масло в общую распрю; надо сделать так, чтобы их было как можно меньше.

Ван Стрален. Мы все в полном распоряжении вашей светлости в любое время дня и ночи!

Вильгельм. Нам и придется работать днем и ночью!

Ван Стрален. Может быть, вашей светлости угодно выбрать кого-нибудь, кто будет постоянно находиться при вас?

Вильгельм. Да — Яна Рубенса. *(Рубенс низко кланяется.)*
Если мне надо будет уехать, меня здесь заменит граф Гоохстратен.

Ван Стрален. Мы вас не отпустим, ваша светлость! Мне до сих пор не верится, что вы уже приехали!

3. Толпа на площади. Один из реформатов проповедует.

Реформат. Вот их постановление — всякий, кто доискивается смысла Писания, не изучив богословия в одном из знаменитых университетов, будет предан казни! Что это значит, друзья? Что если бы перед ними предстал Иоанн Креститель или кто из апостолов, они их сейчас же бы казнили! У них-то точно не было свидетельства университета!

Из толпы выходит человек в одежде профессора богословия.

Богослов. А вам известно, какого происхождения был Иоанн Креститель? Он был из рода первосвященника, и его с самого детства обучали богословию!

Прохожий. Хотите себе присвоить святого Яна? Он гнал от себя таких, как вы! Книжники, порождение ехидны!

Второй прохожий. Интересно, как бы святой Ян поговорил с такими грамотеями, как вы?

Богослов. Да, интересно! И главное — на каком языке? На каком языке он говорил?

Реформаты тихонько совещаются между собой.

Реформат. Известное дело — на еврейском! Уж не на вашей латыни!

Богослов. А вы думаете, что тогда все сплошь говорили по-еврейски? Да вы хоть слышали когда-нибудь о существовании арамейского языка?

Кальвинисты (*между собой*). Что он там говорит? Какой еще армейский? Он издевается над нами! — Он намекает на испанскую армию, которая придет нас всех перебить! — Бей его!

Все кидаются бить богослова. Его сторонник сбегает. Мимо проходит Бредероде.

Бредероде (*обнажая шпагу, кидается в толпу*). Ах вы мерзавцы! Двадцать на одного! Где вы только научились такой подлости!

Реформат (*оправляя платье*). У них вот и научились, у проклятых папистов!

Бредероде (*подхватывая под мышки богослова*). Ах, сударь, напрасно вы учили их таким гнусным вещам!

Ратуша. Принц Оранский и члены магистрата.

Бредероде (*входит, таща богослова*). А еще говорят, что я не поддерживаю старую церковь! Вот — я двумя руками ее поддерживаю, а она все равно на ногах не стоит!

Вильгельм. Лекаря скорее!

Богослов, заклеенный и перевязанный, сидит в кресле.

Богослов. Боже мой! Какие невежды! Наглые самоуверенные невежды! Погибла вера! Погибла наука! Сапожники и красильщики возомнили себя проповедниками!

Один из членов магистрата. Хуже всего, что они нашли достойных почитателей! Одного с собой умственного развития!

Богослов. Эта безграмотная толпа — их единственная аргументация! Толпа и ее кулаки!

Вильгельм. Вы совершенно правы, господин профессор! Невежество — источник всякого зла. И люди, занимающиеся не своим делом, позорят себя и свое занятие. Вы правильно это заметили.

Но, к сожалению, этот город сейчас совершенно неподходящее место для диспутов! Мы не можем поручиться за благоразумие его жителей! Уверяю вас, что за стенами Лувенского университета вы будете в гораздо большей безопасности.

Рубенс (*беря профессора за локти*). Я лично прослежу, сударь, чтоб ваш отъезд обошелся без всяких эксцессов.

Они уходят.

Вильгельм (*к Бредероде*). Граф, вас еще не переутомила ваша деятельность в Антверпене? Может быть, вам как-нибудь развлечься? Поехали бы в Спаа, на лечебные воды!

Бредероде. Что это за намек? Я простой воды в рот не

беру, на кой черт мне лечебная? Вы меня выдворить хотите? Я отсюда не уеду!

Вильгельм. Ваши друзья, так называемые гёзы, собираются в Спаа, отдохнуть от праведных трудов. Как же они обойдутся без вас?

Бредероде. А я ничего не знаю! Я здесь совсем заработался! А мой храбрый генерал граф Людвиг тоже там будет?

Вильгельм. Вот его письмо к вам.

Бредероде (*пробегая письмо*). Да, я поеду обнять моего рыцаря. Но когда я сочту нужным, я вернусь!

4. Ратуша. Принц и ван Стрален принимают посла из Брюсселя.

Вильгельм. Ее высочество герцогиня заблуждается относительно наших успехов. Положение в Антверпене все еще очень опасное.

Посол. Но поймите, по всей стране положение еще хуже! Ее высочество настаивает на вашем приезде! Вы ей необходимы, ваша светлость!

Вильгельм. Антверпен — важнейший город! Но дело не в этом. Главное, что я уже здесь! И совершенно непонятно, как они отреагируют на мой отъезд.

Посол. Когда я уже садился на коня, пришло известие, что в Сент-Омере, в Западной Фландрии, сектанты захватили церкви! Но этого мало — они перебили все иконы, всю церковную утварь!

Ван Стрален. Великий Боже! Зачем им понадобилось бить иконы?

Посол. Как зачем? (*Понижает голос до шепота.*) Разве вы не знаете, что для них иконы — те же самые идолы? Они и святые мощи уничтожили! Они вырыли тех, кто захоронен в церкви, и выбросили вон!

Вы знаете, как набожна правительница! Это известие повергло ее в такой ужас, что никакие разумные доводы она просто не сумеет воспринять!

Ван Стрален. Что же она — хочет, чтоб принц уехал и то же самое началось у нас?

Посол. Ваша светлость, я хочу вам сказать, что я — ваш искренний друг! Господин ван Стрален, насколько мне известно, тоже ваш друг, поэтому я буду говорить при нем. — Герцогиня Маргарита в своем письме выражает всяческие восторги по поводу вашей деятельности, но среди своих она говорит совсем другое! И то же самое она пишет в Испанию! — Она говорит, что вся смута — дело ваших рук, и что у вас уже готов план раздела страны между своими друзьями, включая французского короля и немецких курфюрстов! — Если вы не подчинитесь ее требованиям, вы дадите ей повод объявить вас мятежником!

Вильгельм (*спокойно*). Благодарю вас, сударь! Благодарю вас от всей души! — Я напишу герцогине, что приеду в Брюссель при первой возможности. Часть ее требований я мог бы выполнить, не уезжая так далеко. — Она просит, чтобы мы с графами Эгмонтом и Горном переговорили с предводителями гёзов...

Ван Стрален. Пусть они приедут в Антверпен!

Вильгельм. Нет-нет! Гёзам лучше здесь не показываться! — Адмирал собирался в ближайшие дни посетить местечко Дюффель. Вот туда я мог бы съездить так, что в Антверпене даже не догадаются о моем отсутствии!

5. Антверпен. Дом принца Оранского. Большая комната, сплошь увешанная картинами. Десятки картин стоят на полу, прислоненные к стенам и столам. На столах серебряная утварь и проч.

Принц Оранский и оценщик.

Принц резко открывает один из шкафов, тот не поддается, он дергает дверцу, оттуда падают кубки и т.п.

Оценщик. Осторожней, осторожней, ваша светлость! Не такие это вещи, чтоб ими швыряться!

Вильгельм. На некоторых нет клейма!

Оценщик. Это неважно! То, что они здесь, то, что они принадлежали вашему тестю, — это лучше всякого клейма! — Граф де Бюрен! Да когда он покупал у кого-нибудь, это и было самой высшей оценкой. Для всех мастеров по всем Нидерландам! И в верхней Германии тоже!

Говорят, ваш старший сын пошел в него?

Вильгельм. Да, у него очень тонкий вкус.

Оценщик. А сколько лет молодому графу?

Вильгельм. Будет четырнадцать.

Оценщик. Сохрани его Господь на долгие годы! — Граф де Бюрен! Да этим именем в Голландии можно чудеса творить! — Подумать только, ему одному принадлежит в собрании штатов столько же голосов, сколько всему Амстердаму!

За дверью слышится шум, звук пощечины и крик принцессы Анны.

Анна. Посмей только меня не пустить, наглый лакей!

Анна, растрепанная, одетая по-домашнему, врывается в комнату. За нею бежит Симонсен, хватая оценщика под руку и уводит его.

Анна. Что это вы тут затеяли? Хотите оставить меня и моих детей нищими?

Вильгельм (*холодно*). Анна, все, что находится в этом доме, принадлежало моей покойной жене.

Анна. Которую вы отравили! Чтобы воспользоваться ее богатством для ваших чертовых интриг!

Вильгельм. Принцесса, соберите остатки рассудка, выслушайте меня! В один прекрасный день может случиться так, что мы будем вынуждены оставить эту страну на неопределенное время! Может быть, надолго. Вся ваша собственность будет в этом случае конфискована.

Анна (*рыдая*). Вы это знали! Знали, и все равно на это пошли! Пошли на преступление, имея пятерых детей!

Вильгельм. Сейчас я могу либо спасти немного, либо потерять все и в придачу жизнь. Я предпочитаю первое!

Анна. Куда же вы намерены меня везти?

Вильгельм. В Германию, в страну, где мы с вами родились! У нас там есть земля, родственники и друзья.

Анна. Я не поеду в Германию! Я ее ненавижу! Злобная, нищая страна! Я так счастлива была, когда оттуда выбралась!

Вильгельм. Что же тебя здесь сделало такой несчастливой, бедное ты, большое дитя!?

Анна. Вот видите, вы сами признаете, что я больна! Как же у вас хватает жестокости мучить меня! Я больна,

я не вынесу бедности и скитаний! Сжальтесь надо мной!

Вильгельм. Боже мой, принцесса, мне часто кажется, что не только вы больны этой болезнью, но все они, все, которые наслаждаются чужими мучениями! Порой я боюсь, что они тоже вот-вот начнут взывать о жалости! Но у меня, ей-богу, нет сейчас сил и времени жалеть короля или инквизиторов!

Анна. Что вы тут мне несете? Нечего меня морочить! Я вам не антверпенский магистрат! Вы восстаете против законной власти, а я в этом участвовать не желаю! Слышите? Раз так — дайте мне развод!

Вильгельм (*усмехаясь*). Я, принцесса, как вам известно, член католической церкви. И я могу развестись только в случае доказанной измены со стороны жены. Надеюсь, хоть этого, по крайней мере, я от вас не дождусь!

Анна. Что вы этим хотите сказать? А? Я что, по-вашему, такая некрасивая, что на меня никто не позарится? Это мы еще посмотрим!

Вильгельм. Анна, пойдите к себе, выпейте лекарства или вина, что вам больше нравится, — засните! Дайте покоя себе и другим!

Ночь. Принц Оранский за работой. Он встает, прислушиваясь. Выходит в коридор. По коридору, цепляясь за стены, бредет Анна, безутешно рыдая. Из других дверей выскальзывает женщина в чепце, смотрит то на Анну, то на принца.

Женщина (*принцу, умоляюще складывая руки*). Ваша светлость! Дети проснутся! Напугает она их!

Принц берет Анну за плечи и уводит. Она не сопротивляется.

Спальня принцессы. Анна с безучастным лицом лежит в кровати.

Вильгельм. Мы с вами будем надолго расставаться. Может быть, однажды я уйду и не вернусь. Я хорошо вижу, что мне назначено провести эту жизнь в бедствии и в труде, и я этим довольствуюсь, если так угодно Всемогущему! Я только молю Его ниспослать мне силу выносить все с терпением!

Анна (*тихо*). Что вы оправдываетесь передо мной? Мы с вами чужие, и поэтому ничего друг другу не должны, ни вы мне, ни я вам!

6. Дюффель. Горн, принц, Людвиг и гёзы.

Горн. Господа, вы не держите своих обещаний! Вы согласились с нами, что сейчас самое главное — это всеобщее спокойствие. И вы взяли на себя ответственность поддерживать это спокойствие. А что получается на деле? Вы знаете, что мы трое — ваши друзья, господа, нас трудно обвинить в предубежденности! Но то, что вы делаете с момента выхода «Смягчения»! (*Качает головой.*) Вы же не дети, господа, вы прекрасно понимаете, что ваша деятельность не спокойствию содействует, а совсем наоборот!

Людвиг. А те, кто придумал это «Смягчение», они, надо полагать, тоже не дети, господин адмирал? Ведь это

чистой воды насмешка! Трата бумаги с малопонятной целью!

Первый гёз. Головы проповедников оценены, как головы диких зверей! Это, по-вашему, служит общему спокойствию?

Второй гёз. Народ доведен до отчаяния, все ждут вторжения испанских войск! Вы же не станете отрицать это или взваливать на нас?

Людвиг. Правительство даже не дает себе труда понять, что реформаты собираются на полях, чтобы поклоняться Богу, а не затем, чтобы бунтовать против короля!

Эгмонт. Простите, граф, здесь вы допускаете неточность. Всем прекрасно известно, как король относится к религиозным вопросам. Он и по сей день настаивает на неукоснительном исполнении эдиктов. — А вы берете под свою защиту тех, кто демонстративно нарушает его волю, и не поодиночке, а десятками тысяч! И вы еще уверены в своей лояльности!

Горн. Вы же наверняка слышали, что в некоторых местах реформаты начали разорять церкви?

Первый гёз. Ну, слышали!

Второй гёз. Конечно, это очень плохо! Но при чем тут мы?

Третий гёз. Пусть это будет на совести тех, кто их довел до такого!

Людвиг. Мы видели, как жгут людей! Мы не станем плакать оттого, что разбивают картины и статуи!

Эгмонт (*холодно*). Никто не ждет, что вы станете плакать, господа! Ведь вы не бабы, а офицеры армии! Вы при-

носили присягу его величеству! — Извольте решить, намерены вы ее выполнять или нет!

Людвиг (*сквозь зубы*). А вы, как видно, уже все решили, граф?

Вваливается Бредероде.

Бредероде. Как я рад, что успел! Меня там внизу пускать не хотели! Сюда, где собрались мои родственники и лучшие друзья! (*Людвигу*.) Ну как, отцы отечества (*показывает на троих*), готовы защищать его до последней капли крови? (*Людвиг отрицательно качает головой*.) А-а-а! Вот оно что!

Эгмонт (*резко*). Сядьте, граф Бредероде! Вы на ногах не держитесь!

Бредероде (*наступая на него*). Что это вы на меня так смотрите, граф? Может, вам мой костюм не нравится? А ведь мы с вами в кровном родстве! Да я на вашем месте гордился бы таким родством! (*Отходит на шаг, говорит как трезвый*.) — Мои предки владели этой страной и всеми этими людьми. Но, видно, они плохо ими управляли, и корона перешла к прадеду дон-Филиппа (*нарочно икает*) фон Габсбурга! — Значит, на то была Божья воля! — А потом мы сильно запустили свои дела, пили много и вообще... Вот и обеднели, как сейчас. И на это, значит, была Божья воля! — А вот чтоб людей жечь, как солому, чтоб их топтать, как муравьев, на это Божьей воли нет, понятно вам?

И вы не убеждайте меня в этом, граф Эгмонт, я вам все равно не поверю, хоть я и много в жизни выпил за ваше здоровье!

Вильгельм. Успокойтесь, граф, никто не собирается насилловать ваши убеждения!

Принц отводит Горна и Эгмонта в сторону.

Эгмонт. Мы совершили ошибку, господа! Мы с самого начала не должны были поддерживать этих молодчиков!

Вильгельм. Вы придаете им слишком много значения, граф! Они просто заражаются всеобщим возбуждением. С этим очень трудно бороться.

Горн. Боже мой, какое счастье, что мой брат в Испании! По крайней мере хоть ему не придется отвечать за то, что здесь творится!

Принц тяжело вздыхает. Затем возвращается к гёзам.

Вильгельм. Господа, вы нас очень обяжете, если отправитесь в Брюссель и самолично сообщите герцогине о результатах нашей беседы.

Людвиг. И ей, и вам мы можем сказать только одно — пусть никто не ждет, что мы поднимем руку на своих соотечественников!

7. Город Гент. Собор Св. Бавона.

Каноник с горящей свечой в руке рассматривает наружную роспись алтарных створок. Он заслоняет пламя рукой, пристально всматривается в еле заметные трещинки в краске. Затем ставит свечу на пол, открывает створки и отступает на несколько шагов, словно ослепленный потоками света, льющимися с алтаря.

Площадь перед Собором Св. Бавона. Группа всадников подъезжает к собору. Один из них спешивается и устремляется в Собор.

Каноник все так же стоит перед алтарем. Он вздрагивает, заслышав за спиной шаги и звон шпор.

Офицер (*бросается к нему*). Господин каноник! Господин каноник!

Каноник. Чем могу служить?

Офицер (*отдышавшись*). Я из Брюсселя, господин каноник! Вот бумага, подписанная самой герцогиней! — Я и мои люди поступаем в ваше распоряжение!

Каноник читает бумагу.

Офицер. Всюду такая паника, господин каноник, иконоборцы делают что хотят, все их боятся, никто не оказывает им сопротивления! В Антверпене они за несколько часов разнесли Собор Богоматери!

Каноник. Что вам нужно от меня?

Офицер. От вас, господин каноник? Да нет, это я вам должен всячески содействовать! — Надо срочно разместить все содержимое Собора у надежных людей, лучше всего в тех семьях, которые жертвовали. — Да ведь в бумаге все сказано!

Каноник. Что вам нужно от меня? Если пришел Судный день, разве я могу его остановить?! (*Поворачивается и уходит быстрыми шагами.*)

Офицер (*устремляясь за ним в коридор*). Господин каноник! Господин каноник!

Навстречу ему выходит монах.

Монах. Господин каноник не может с вами говорить! У него кровь идет горлом! (*Уходит.*)

Офицер. Но как же быть? У меня приказ! Надо обезопа-

ситель ценности! *(Начинает стучать подряд во все двери.)* Господин каноник!

Выходит второй монах.

Офицер. Может быть, господин каноник распорядится...

Монах. Господин каноник не может распорядиться! Он умер!

Антверпен. Принц, Гоохстратен, ван Стрален, Рубенс и другие выходят на площадь из Собора Богоматери.

Рубенс. Страшенькое зрелище, да? Но когда все это творилось, было еще страшнее! Хорошо, что вас здесь не было, ваша светлость!

Ван Стрален. Не говорите глупостей, Рубенс! Если бы его светлость был здесь, ничего бы не случилось!

Гоохстратен. Ничего нельзя было сделать, принц, это сущая правда!

Рубенс. Они орали, что все несчастья от поганых идолов! И как только они их сокрушат, все придет в полный порядок! — Ох, зря наши антверпенцы на это понадеялись!

Ван Стрален. Да, уж это точно!

Рубенс. А знаете, что теперь про это говорят? Что все нарочно подстроили испанцы, чтобы иметь повод разделиться со всеми подряд! — И вас, ваша светлость, специально для этого выманили в Брюссель! — Как вы думаете, похоже это на правду?

Вильгельм. Нет, не похоже! Если бы им такое понадобилось, они бы подстроили убийство католиков, священников, но только не осквернение икон!

Ван Стрален. А эти ухитрились разорить тридцать церквей и не убить при этом ни одного человека!

Рубенс. Значит, точно, орудовали анабаптисты! — Наши кальвинисты стали такие воинственные! Им только палец покажи, они тебе пропишут, кто тут пшеница, а кто плевелы.

Гоохстратен. Принц, мы арестовали далеко не всех, но есть данные, где и у кого скрываются остальные. Я решил дожидаться вас!

Вильгельм. Вы поступили правильно, Гоохстратен. Сейчас не время шарить по домам, чтоб еще больше распалять всеобщую ненависть.

Гоохстратен. А что делать с теми, кого захватили?

Вильгельм. Бить плетьюми и выгнать из города!

Гоохстратен. Трех уже повесили.

Вильгельм. Можете их не воскрешать!

8. Заседание в Ратуше. Принц Оранский, весь магистрат и шестнадцать представителей от четырех религий.

Вильгельм. Поймите, сам Господь призывает вас к миру! Вы были готовы попать все, что объединяло вас когда-то, — теперь вы еще крепче связаны общей виной!

Всех протестантов обвинят в разрушении церквей, католиков — в том, что они этому не препятствовали! *(Принц встает и протягивает им текст «Соглашения».)*

Это «Соглашение» обеспечивает каждой церкви такую же защиту закона, как католической. Подписывая его, вы признаете друг за другом право на эту защи-

ту, — вы обязуетесь тем самым проявлять терпимость друг к другу.

Научитесь этому, терпимость поможет вам снова обрести единство! — Только так можно отвести грозящую беду!

Один из членов магистрата. Подписывайте, и дайте нам наконец вернуться в свои дома!

Происходит подписывание.

Глава кальвинистов. И все же я хочу указать на некоторую несправедливость этого решения, ваша светлость! — Всем известно, что к реформатской церкви принадлежит (*победным взором окидывает всех*) почти половина этого города! А вы отводите нам для богослужения столько же зданий, что и анабаптистам, которые малочисленны и вообще неизвестно откуда взялись!

Вильгельм. Сударь, допуская протестантское богослужение в черте города, мы превышаем свои полномочия! Мы идем на это ввиду чрезвычайности положения! Но разрешить каждой конгрегации собираться более чем в одном месте мы не можем сейчас никак!

Второй кальвинист (*ворчливо*). Я вообще не понимаю, зачем отводить место этим анабаптистам? Кто они такие?

Вильгельм (*в бешенстве*). Скажите, сударь, вас с самого рождения воспитывали в реформатской вере?

Второй кальвинист. Что вы, ваша светлость, мне шестьдесят пять лет! Когда я родился, о Лютере еще слыхом не слыхивали!

Рубенс. Ну вот теперь, если вам еще раз вздумается поменять веру, то далеко ходить не придется!

Вильгельм (*кальвинистам*). Раз ваша община такая сильная и многочисленная, тем более ей пристало подавать пример миролюбия. — Вы так долго добивались равноправия с католиками, но не для того же, чтобы поступать с другими, как они когда-то поступали с вами!

Ван Стрален. Да-да, реформаты должны обещать властям, что они перестанут даже словесно оскорблять всех остальных по религиозным вопросам!

Первый кальвинист. Мы никогда никого не оскорбляли!

Католики и лютеране (*наперебой*). Как это так! Да вы только этим и занимаетесь!

Первый кальвинист. Ничего подобного! Наши противники уверяют, что они чтут Священное Писание. А их догматы Священному Писанию противоречат. Мы им просто на это указываем.

Вильгельм. А если вам сейчас же показать, как ваши собственные догматы противоречат Писанию, что вы на это скажете?

Все остальные. Сделайте это! Сделайте это, ваша светлость!

Вильгельм. Как бы не так! Да если я это сделаю, вы тут меня сожжете четыре раза! А у меня еще столько дел, вы даже представить себе не можете! (*Встает.*)

Сейчас не время колоть глаза друг другу своей правотой! — Пусть каждый проявит снисходительность к чужому заблуждению, к чужой слабости! Кто знает, не придется ли ему потом других умолять об этом же!

Принц выходит из зала заседания. Слуга набрасывает на него плащ.

Гоохстратен. Уже рассвет!

Ван Стрален. Мы проводим вашу светлость!

Всадники едут по направлению к дому принца Оранского.

Гоохстратен. Ну до чего ретивые ребята эти кальвинисты! В первый же день, когда стали громить церкви, они явились ко мне и предложили передать всемило-стивейшему королю три миллиона талеров за свободное исповедание их веры по всем провинциям.

Вильгельм. Надо было взять!

Гоохстратен. Зачем?

Рубенс. Как зачем? Чтобы передать королю!

Все входят в дом. К принцу подходит секретарь.

Секретарь. Ваша светлость! Английский посланник сэра Томас Грэшем дожидается вас.

Гоохстратен. А не слишком ли рано?

Вильгельм. Я приму его! — Друзья мои! Я собираюсь распространить это «Соглашение» на Голландию, Зеландию и Утрехт. Вы должны будете отпустить меня туда.

Ван Стрален. Ваша светлость, ни за что! Кальвинисты сразу же кинутся убивать священников!

Вильгельм. Вы не должны рассчитывать на меня одного, ван Стрален! Ведь я же человек, я умереть могу сегодня ночью. Проклят надеющийся на человека. Читали такие слова?

Ван Стрален. Нет, ваша светлость! В какой это книге, в какой главе?

Вильгельм. Не знаю, мой друг, не помню! У меня же нет свидетельства знаменитого университета. — Не бойтесь, пока наше «Соглашение» не отменят извне, никто здесь его не нарушит!

Кабинет принца. Вильгельм и сэр Томас Грэшем.

Грэшем. Ваша светлость! Позвольте поздравить вас с самой удивительной победой, которая когда-либо одерживалась!

Вильгельм. Это временная победа, сэр Томас. Я прекрасно знаю, что это «Соглашение» несколько не удовлетворяет короля. Он никогда и ни за что не простит икоборцев.

Грэшем. Ходят упорные слухи, что король Филипп лично собирается посетить Нидерланды и произвести суд над своими подданными.

Вильгельм. Я абсолютно уверен, что этого не будет. Нидерланды ждет не суд, а расправа! Дон Филипп никогда не питал особой любви к нравам и обычаям фламандцев, а теперь, когда они так страшно провинились перед ним, они тем более не заслуживают лицемерия королевской особы.

Грэшем. Но в Испании строится специальный флот!

Вильгельм. Испанское правительство очень заинтересовано в том, чтобы все поверили, что король лично прибудет в Нидерланды.

Грэшем. Ваша светлость, вы основываетесь на своих, не-

сомненно, глубокомысленных догадках, или же у вас есть точные сведения?

Вильгельм. У меня есть точные сведения, сэра Томас.

Грешем. В таком случае информация, которую я намерен вам передать, приобретает еще большую ценность! — Известно ли вам, ваша светлость, что отставка герцогини Маргариты давно уже дело решенное?

Вильгельм. Да, но она все время откладывается из-за трудностей, связанных с выбором нового наместника.

Грешем. Эти трудности, ваша светлость, то же самое, что постройка королевского флота — они придумали их для того, чтобы выиграть время и отвести всем глаза. — У нас есть данные — из источника, который заслуживает самого большого доверия, что король давно уже сделал свой выбор, но держит его в тайне по соображениям вполне понятным. — На этот пост назначен герцог Альба, злейший враг нидерландских вельмож, особенно тех из них, кто своими военными успехами нанес в свое время удар самолюбию герцога. О других его качествах и говорить не приходится.

Принц встает и начинает прохаживаться по комнате.

Грешем. Ваша светлость, ее величество королева Елизавета с самым искренним сочувствием относится к судьбе своих фламандских единоверцев. Я уполномочен передать вам, что те из них, кто пожелает покинуть родину ввиду надвигающихся событий, могут рассчитывать на гостеприимство Англии!

Глава пятая

1. У стен города Гертогенбосха. Отряд гёзов седлает коней, готовясь в дорогу.

Людвиг Нассау и Бургомистр идут через поле недавнего сражения. Перед ними снуют люди с носилками, несколько убитых все еще лежат на земле. Невдалеке работают могильщики.

Бургомистр. Да, дешево они отделались! Мы, правду сказать, тоже дешево отделались! Все благодаря вам. Если бы не гёзы, мы бы с ними не справились.

Людвиг останавливается возле убитого, всматривается в него, крестится и идет дальше. Бургомистр идет за ним.

Бургомистр. Как вы думаете, граф, когда нам их снова ждать? А может, они больше не сунутся?

Людвиг. Все зависит от того, как пойдет в других местах. Герцогиня требует, чтобы каждый город, где было иконоборство, принял гарнизон. Там, где протестантов большинство, будут стоять насмерть, у них нет другого выхода! — Сейчас все силы правительства брошены к Валансьену. Кто может знать, сколько он продержится!

Бургомистр. Говорят, в Антверпене граф Бредероде на-
вербовал чуть не целую армию! Мы хотим послать
к нему, попросить о помощи. Как вы думаете, граф?

Людвиг *(безучастно)*. Посылайте.

Людвиг присоединяется к своему отряду. Гёзы садятся на
коней.

Первый гёз. Послушай, Людвиг! Может быть, нам сделать
попытку прорваться к Валансьену?

Людвиг. Мы здесь отбили один отряд, да и то лишь пото-
му, что они не ждали сопротивления! А вы уже вообра-
зили, что можете воевать против всей фламандской
армии!

Антверпен. Кабинет принца Оранского. Принц и Бредероде.

Бредероде *(чуть шатаясь)*. Принц, подарите мне пару пу-
шек!

Вильгельм. Что?

Бредероде *(показывая на пальцах)*. Две пушки, принц!

Вильгельм. Зачем вам пушки, Бредероде?

Бредероде. Я хочу укрепить свой замок! Я боюсь, что на
меня нападут!

Вильгельм. Кто же собирается на вас нападать?

Бредероде. Ну мало ли злодеев развелось в наше время!
Вот, например, король Филипп высадится на острове
Вальхерн, а мы в него из пушек, из пушек!

Вильгельм. Знаете что, Бредероде! Поскольку мне допод-
линно известно, что король в Нидерланды не собира-

ется, я мог бы без зазрения совести снабдить вас пушками. И не только пушками.

Но я хотел бы узнать, как ваши люди собираются распорядиться всем этим, а также своей жизнью. — Будет крайне нежелательно, если и то и другое пропадет зря!

Бредероде и гёзы.

Бредероде. Ребята, я получил полнейшее одобрение Молчаливого! Теперь все зависит от нас!

Несколько десятков человек в кабинете принца. Вильгельм, Людвиг и двое молодых людей склоняются над картой.

Юноша-гёз. Ваша светлость, но ведь многие члены магистрата настроены против нас! Если они догадаются, чего мы хотим, они станут нам всячески препятствовать!

Вильгельм. Для этого предприятия надо найти благовидный предлог. — В Антверпене сейчас много иностранных солдат, не состоящих на государственной службе. Я прикажу, чтобы они очистили город! Время сейчас смутное, чем меньше празднующихся, тем лучше. Мы дадим им корабли, и вы вместе с ними подниметесь вверх по Шельде. Это нетрудно устроить, и людей у нас прибавится.

Но в этом деле есть одна серьезная опасность! Может случиться так, что вас нигде не примут — ни в Вальхерне, ни где-нибудь еще. Подумайте об этом! Ваш пыл и ваши силы можно было бы приберечь для более удобного момента!

Юноша-гёз. Это невозможно, ваша светлость! Чтоб наши фламандцы вот так все отказались нас впустить! Мы же действуем в их интересах!

Вильгельм. Сколько вам лет, друг мой?

Юноша. Ну, почти девятнадцать!

Вильгельм. Неужели вам неизвестно, как люди умеют расправляться с теми, кто действует в их интересах?

Юноша. Не отговаривайте нас, ваша светлость! Мы все равно уже все решили! Давайте лучше надеяться на хорошее!

Вильгельм, Людвиг, Иоганн.

Людвиг. Это чистое безумие! Их разобьют при первом же столкновении! Никто из них ни черта не смыслит в военном деле! Я же знаю их всех!

Вильгельм. Может быть, все обойдется.

Людвиг. Каким образом?

Вильгельм. Просто разбегутся в разные стороны! — Но здесь им оставаться больше нельзя! Кончится тем, что они, сами того не желая, устроят в городе общую резню!

Людвиг. У меня еще по дороге сюда было такое чувство, что Антверпену пришел конец! Мы продирались сквозь толпы беженцев! А что творится в порту!

Иоганн. Что поделаешь! Мы ведь тоже покидаем Фландрию. Я уже отправил свою семью в Дилленбург и теперь собираюсь везти туда принцессу с детьми. — Ос-

талось только забрать из университета наших младших братьев и графа де Бюрена!

Людвиг. Все равно, даже если нам тысячу раз придется отступать, я эту страну никому не отдам!

Вильгельм (*не поднимая головы от бумаг*). У меня свидание в Дондремонде с графами Эгмонтом и Горном.

Людвиг. Граф Эгмонт перевешал в Граммоне всех проповедников! Чего еще от него ждать?

Вильгельм. Тем не менее для фламандской армии он остался графом Эгмонтом. Я собираюсь представить ему письменные доказательства того, что герцог Альба по прибытии в Нидерланды казнит всех, кто составлял оппозицию Гранвелле и покровительствовал гёзам.

Людвиг. Если это на него подействует, то все в наших руках! Мы поднимем Швейцарию, немецких протестантов! Мы такую встречу устроим герцогу Альбе! — Возьми меня с собой, Виллем!

Вильгельм. Хорошо!

Иоганн. Виллем, мне, вероятно, надо будет поехать в Лувенский университет за графом де Бюреном. Я жду твоих распоряжений! — Ты об этом не забыл?

Вильгельм. Нет, я об этом думаю.

2. У принца Оранского. Входит Рубенс. Навстречу ему — служанка принцессы.

Служанка. Наконец-то, господин Рубенс! Ее светлость уже раз двадцать о вас спрашивала!

Рубенс. Доложите ее светлости!

Комната Анны. Входит Рубенс.

Анна. Где же вы пропадаете? А у меня такие новости!

Рубенс. Очень интересно, ваша светлость!

Анна. Я посоветовалась со знающими людьми, и мне сказали, что если имущество принца конфискуют, но я к этому времени буду с ним в разводе, то я смогу претендовать на то, чтобы мне выделили вдовью часть.

Рубенс (*гневно*). Принцесса! Вы же мне обещали, что ни с кем, кроме меня, вы не будете говорить на эту тему! Это неблагородно с вашей стороны!

Анна. По отношению к кому?

Рубенс. К кому? Ко мне, конечно! Ведь мы же с вами друзья! — А вашим советчикам скажите, что я им ребра переломая, пусть только они мне попадутся!

Анна. Это за что же?

Рубенс. За то, что они дают вам такие советы! — Ваша вдовья часть! Не беспокойтесь, когда испанцы наложат лапу на состояние принца Оранского, они едва ли захотят с кем-нибудь делиться.

Анна. Но если таков закон?

Рубенс. О да! Герцог Альба едет во Фламандию как раз для того, чтобы исполнять всяческие законы! Особенно в отношении вас! Ведь вы же лютеранка, еретичка! Для него вы просто не человек! — Уж не хотите ли вы поменять веру?

Анна. Я об этом не думала.

Рубенс. Очень не советую вам этого делать! Ведь если вы разводитесь с принцем, вашими естественными опекунами сразу же становятся ваш дед и ваш дядя, курфюрст Саксонский! — Да знаете, что они с вами сделают за вероотступничество? — Изрежут на мелкие куски!

Анна (*яростно*). Не говорите мне про Саксонского курфюрста! Я сама бы его зарезала! Я теперь все знаю! — Какого дьявола он наследовал моему отцу? Он не имел на это права! — Если бы я вышла замуж в Германии, то мой муж непременно стал бы претендовать на курфюршество! — Вот он и спровадил меня в Нидерланды! Ему все было на руку! Даже то, что принц Оранский католик! Вот так-то!

А хитрец Молчаливый все это прекрасно знал!
Иначе бы он и не полез со своим сватовством!

Рубенс. Любая женщина, принцесса, отдала бы все, что она имеет, чтобы хоть на три дня оказаться на вашем месте!

Анна. Опять вы за свое! И вы еще говорите, что вы мне друг! Вы любите только вашего принца!

Рубенс. Поскольку вы, ваша светлость, все еще связаны с ним узами брака, то я просто не могу провести границы между вами и вынужден любить вас обоих одинаковой любовью.

Анна. А я его ненавижу, понятно вам? И я хочу во что бы то ни стало с ним развестись!

Рубенс (*со вздохом*). Мне тоже кажется, что это было бы самым лучшим для вас, принцесса, и не только для вас. — Но как же вам объяснить, что принц сейчас не

в состоянии заниматься разводом, даже если бы он очень захотел!

Анна. А он этого не хочет! Он мне заявил, что разведется со мной только в том случае, если я ему изменю! — Он считает, что сам он настолько неотразим, что я даже не стану смотреть на кого-нибудь другого!

Рубенс (*после недолгого раздумья*). Но он, конечно же, ошибается. Как вы думаете, принцесса?

Обнимает ее и целует.

3. Дендремонд. Вокруг стола — принц, Эгмонт, Горн, Гоохстратен и Людвиг.

Эгмонт и Горн в глубоком молчании читают письмо, передавая листки один другому.

Эгмонт (*отдав Горну последний лист*). Скажите, принц, не слишком ли дорого вы заплатили за это письмо?

Вильгельм (*сухо*). Мне кажется, что заключенная в нем информация стоит любых денег.

Эгмонт. А мне кажется, что его автор перестарался! Кто бы он ни был! Даже если предположить, что он действительно испанский посланник в Париже сеньор де Алава!

Гоохстратен. Вы сомневаетесь в подлинности этого письма?

Эгмонт. Не столько письма, граф, сколько того, что в нем написано! Слишком уж много пророчеств для такого количества бумаги. И они такие мрачные, что скорее подошли бы какому-нибудь обезумевшему реформату, чем королевскому посланнику.

Хорошо! Предположим, что король действительно решил казнить всех здесь присутствующих, а несчастных Бергена и Монтины не выпустить живыми из Испании. — Откуда это знать какому-то де Алаве? Кто он такой, чтобы проникнуть в замкнутую душу короля?

Горн. Мой брат Монтины тоже пишет, что король крайне разгневан на всех фламандцев. Но это вполне естественно! Мы же знаем его набожность и все, что здесь произошло!

Вильгельм. Вы правы. И то, что произойдет вслед за этим, будет тоже совершенно естественно! — Но я не хочу смотреть на гибель этого народа и становиться смиренной жертвой мести, которую я предвижу!

Эгмонт. И вы предлагаете на выбор — либо поднять мятеж, либо бежать самым постыдным образом! И то, и другое будет лишним подтверждением нашей вины! — А я не желаю, чтобы меня считали изменником! Я всегда был верен своему государю, и если мое усердие было недостаточным, то я его удвою, удесятерю!

Вам всем прекрасно известно, что нужно делать, чтобы вернуть спокойствие этой стране!

Гоохстратен (*Горну*). Вы тоже так думаете, господин адмирал?

Горн. Я вообще ничего не думаю. Что бы я ни делал за всю жизнь, я не видел ничего, кроме неблагодарности со стороны правительства. Я этим всем сыт по горло! — Я собираюсь уйти от всех дел и поступить в монастырь! Мне ничего другого не остается!

Людвиг. Значит, в такое время вы думаете только о себе?

Горн. Нет, молодой человек, я думаю не только о себе! — Правду или неправду говорит посланник де Алава, но

мой брат в Испании! Разве я могу совершать поступки, которые отразятся на его судьбе?

Эгмонт. Несомненно, мы не должны забывать, что у нас есть обязанности по отношению к нашим близким и к самим себе! Я не считаю себя вправе заставлять мою жену и моих детей жить нахлебниками какого-нибудь немецкого курфюрста! Я никогда не готовил их к такой жизни!

Вильгельм. Вы оставляете эту страну ее страшной участи, Эгмонт, и надеетесь, что ни вы, ни ваша семья ее не разделят?

Эгмонт. Я устал от громких фраз, милый принц! Почему вы, в конце концов, уверены, что какая-то участь для народа лучше, чем другая?

Власть есть власть! Народ любит твердую руку! Мы уже убедились, что получается, когда она ослабевает!

Людвиг (*вскакивает*). Я прошу прощения, господа, я не могу больше здесь задерживаться! Мне надо ехать!

Горн. Далеко ли, граф?

Людвиг. Да, не близко! Но я надеюсь вернуться!

Уходит. Остальные встают, но не решаются сразу разойтись.

Вильгельм. Вы, граф Эгмонт, станете мостом, по которому испанцы войдут в нашу страну. Но потом они сломают его.

Два всадника — Эгмонт и Горн — отъезжают от замка.

Горн. И все же меня очень беспокоит письмо де Алавы! Неужели мой брат оказался в ловушке!

Эгмонт. Можете быть уверены, мой друг, что де Алава даже не подозревает о существовании этого письма.

Горн. Кто же мог его подделать?

Эгмонт. Сам принц Оранский! Он, конечно, хитер, как Улисс, с этим трудно спорить, но на этот раз он перестарался! — Разве вы не заметили, что когда я ему на это намекнул, он даже не пытался ничего отрицать?

4. Антверпен. Дом принца Оранского.

Вильгельм идет анфиладой пустых комнат, почти без мебели, с голыми стенами.

Кабинет принца. Симонсен в рубашке с закатанными рукавами собирает ужин. Принц, разрывая конверты, просматривает корреспонденцию.

Вильгельм. Вот видите, Симонсен, мы тут с вами последнее продаем за бесценок, а Голландские штаты хотят подарить мне 50 тысяч гульденов за установление религиозного мира.

Симонсен. Но это же прекрасно, ваша светлость!

Вильгельм. Да, сейчас вдвойне обидно от них отказываться, но придется!

Симонсен. Вы в этом уверены, ваша светлость?

Вильгельм. Я слишком долго изучал людей, мой друг, чтобы теперь просчитаться, да еще на такую сумму. — Да если я приму этот любезный подарок, я уже никогда не смогу обратиться к ним ни с какой просьбой. А я надеюсь, что мне это еще предстоит, и не один раз!

Симонсен. Они в любом случае обязаны вас поддерживать! Вы связаны с Голландией все равно что кровными узами! Пока ваш сын не достиг совершеннолетия!.. Да и после того что изменится?.. *(Симонсен осекается, затем продолжает с некоторым смущением.)*

Ваша светлость, вы решили оставить графа де Бюрена на попечение университета? Конечно, он крестник короля...

Вильгельм. Нет, Симонсен, я ничего еще не решил!..

Симонсен выходит. Принц сидит в глубоком кресле, обхватывает голову руками. Через некоторое время он меняет позу и засыпает.

Принц Оранский в роскошном наряде взбегает по широкой лестнице огромного светлого здания. Быстрыми шагами он входит в просторный зал. Навстречу ему из противоположных дверей выходит мальчик лет тринадцати. Принц бросается к нему, раскрыв объятия.

Вильгельм. Филипп! Филипп!

Мальчик, словно испугавшись его порыва, отступает назад, потом отвешивает церемонный поклон, подходит к отцу и целует ему руку.

Принц берет его за подбородок и вглядывается в его лицо, в его глаза так, что мальчик снова испуганно пятится. Несколько мгновений они стоят друг против друга и недоуменно друг друга разглядывают. Затем появляется монах в надвинутом на глаза капюшоне, хватая мальчика за руку и уводит.

Принц остается один.

5. Ночь. По улицам Антверпена несутся всадники. Спешатся у дверей принца Оранского. Стучат. Их впускают.

В доме.

Офицер. Разбудите его светлость!

Входит принц.

Офицер. Ваша светлость! Гёзы вернулись! Их нигде не приняли! Они в двух шагах! Они заняли Остервиль!

Вильгельм. Ключи от всех ворот — мне!

Офицер. Это еще не все! К Остервилю движется правительственный отряд под командой де Бовуара! Вот человек, который сообщил об этом!

Подталкивает к нему человека в крестьянской одежде.

Крестьянин (*кланяясь*). Все так, ваша светлость! Они там будут через час, если не раньше!

Вильгельм. Немедленно уничтожить Остервильский мост!

Входит Гоохстратен.

Гоохстратен. Они погибли! Им не выстоять против де Бовуара! Надо срочно послать кого-нибудь сказать, что вы приказываете им разбежаться!

Вильгельм. Они не станут выполнять мои приказы. Они не в моем подчинении.

Вбегают запыхавшиеся члены магистрата.

Первый. Ваша светлость! Гёзы в Остервиле! Если они захотят овладеть Антверпеном, протестанты их поддержат! — Прикажите выслать против них наших солдат!

Вильгельм. Ни за что! В городе начнутся беспорядки! Его нельзя оставить без защиты! *(Офицеру.)* Делайте, как вам приказано!

Утро.

К запертым Красным воротам Антверпена валит огромная толпа. Люди поднимаются на стены, с которых как на ладони видна деревня Остервиль. Сражение между гёзами и солдатами де Бовуара идет к концу. Шуму и крикам битвы вторят отчаянные крики жителей Антверпена.

Крики. А-а-а! Смотрите! Смотрите! — Они их окружают! — Они поджигают этот дом! — Все! Все! Погибли все! Все пропало!

Первый кальвинист. Боже праведный, да что же это делается! Опять паписты избивают наших, а мы должны на это смотреть!

Второй кальвинист. Они нарочно заперли ворота! Чтоб мы не пришли на помощь своим!

Третий кальвинист. Где принц Оранский? Пусть сейчас же отдаст нам ключи!

В гущу толпы въезжает Вильгельм в сопровождении Гоохстратена, ван Стралена и других.

Крики. Почему заперты ворота? — Отдайте нам ключи! Там убивают наших защитников! — Это все подстроили паписты! — Они уничтожат гёзов, а потом бросятся на нас!

К принцу бросается молодая женщина с разметавшимися волосами.

Женщина (*указывая в сторону Остервиля*). Принц! Там мой муж! Ведь он ваш друг! Как же так?! Как же так?!

Вильгельм. Дитя мое, если бы я мог его спасти! Но мы только можем погубить всех!

Крики. Нас предали! Нас поймали в ловушку! — Отдайте ключи! — Проклятие папистам! — Вот он нас и предал! — Будь он проклят! — Папист! Императорский выкормыш!

Кальвинист (*направляя на принца ружье*). Умри, изменник! Из-за тебя погибли наши братья!

Гоохстратен прямо с коня бросается на него и отводит дуло.

Вильгельм (*стоя в центре толпы*). Ну, кто еще собирается в меня стрелять?

Кальвинисты. Отдайте нам ключи!

Вильгельм. Зачем они вам? Что вы можете против королевской конницы? Вы тут же побежите от них, а они ворвутся в город следом за вами и устроят здесь резню! — Хотите попробовать? Я отдам вам ключи!

Кальвинисты. Лучше дайте нам оружие! — Хватит нас убивали безоружных! — Правильно, хватит! — Мы тоже умеем мстить! — Мы перебьем всех папистов в городе!

Толпа приходит в движение. Все устремляются в другую часть Антверпена, к городскому Арсеналу.
У Арсенала.

Кальвинисты. Выкатывайте пушки! — Мы за себя стоим! — Пусть только сунутся к нам!

Из Арсенала выкатывают полевые орудия.

Главный. Везите их к Мейру и расставьте во всех переулках! Тогда у нас будет целая крепость!

Второй. Надо взломать тюрьму и выпустить всех заключенных! Так у нас будет больше народа!

Все. Пойдемте! Пойдемте! — Ну, мы им покажем! — Разгромим им все церкви! — И дома их тоже! — Они разжирели на нашей крови!

Католический квартал. Люди толпятся на улице. Женщины с отчаянными криками прижимают к себе детей.

Первый. Прежде всего надо обезопасить женщин и детей!

Второй. Надо запереть их в каком-нибудь монастыре!

Первый. Да нет же! Монастыри они будут громить в первую очередь!

Старуха (*садится на скамью, скрестив руки*). А я никуда не пойду! Кому я нужна!

Первый. Да ты в своем уме?

Старуха. Раньше надо было думать! Когда их резали, как собак!

Второй. И правильно было! И жаль, что всех не перерезали! Тогда бы не было того, что сейчас!

Третий. У магистрата слишком мало солдат! Им с ними не справиться! Если мы не организуем самооборону, нам конец!

Четвертый. Надо пойти к принцу!

Второй. Принц на их стороне! Это все знают!

Первый. Неправда, он за нас! Иначе бы он впустил гёзов!

Ратуша. Принц, магистрат. Входит офицер.

Офицер. Ваша светлость, католики подкатали под Озерный мост бочки с порохом! Они грозятся взорвать его, как только эти пойдут в наступление!

Первый член магистрата. А они пойдут! Их там на Мейре уже пятнадцать тысяч!

Вильгельм. Мне надо переговорить с кальвинистами! Со мной пойдут только двое провожатых!

Второй член магистрата. Они убьют вас, ваша светлость!

Вильгельм. Нет!

Ван Стрален. Ваша светлость, я себе этого не прощу!

Вильгельм. Если до этого дойдет, тогда всему конец! Спасайтесь тогда сами, как можете!

Мейр. Всадник с белым флагом приближается к баррикаде кальвинистов. За ним — Вильгельм и второй сопровождающий.

Первый всадник. Эй, брабантцы! С вами хочет говорить ваш бургграф принц Оранский!

Кальвинисты. Не о чем нам говорить! — Отдайте нам ключи! — Вы нас заперли, чтобы всех перерезать!

Принц подъезжает к баррикаде почти вплотную.

Вильгельм. Выберите восемь человек, которым вы доверяете, и пришлите их в Ратушу!

Кальвинисты. Пусть сначала нам отдадут ключи!

Вильгельм. Город заперт для вашей же безопасности!

В любой момент из Брюсселя могут потребовать, чтобы город принял гарнизон! — Вы хотите, чтобы сюда вошли правительственные войска?

Первый кальвинист. Вот мы и хотим получить ключи!

Весь магистрат состоит из папистов. Почему мы должны им доверять? Мало мы от них видели?

Вильгельм. Ваши представители от вашего имени подписали Соглашение от 25 августа. С тех пор прошло восемь месяцев! — За это время ни магистрат и никто из католиков и лютеран не нарушали условий религиозного мира! Так это или не так? Значит, вы первыми его нарушили! — Вы сделали это из страха за свою безопасность? — Хорошо! Мы готовы подтвердить вам, что ваша община находится под такой же защитой закона и властей, как и любая другая!

Кальвинисты. А кто нас защищает? Ваши наемные солдаты? Продажные души? Мы хотим сами охранять наш город!

Вильгельм. Мы можем поручить охрану города горожанам! Но для этого необходимо, чтобы все остальные общины дали свое согласие! Мы ни при каких условиях не станем нарушать ничье равноправие! — Все! Я буду ждать ваших депутатов хоть до самого утра!
(Поворачивается и уезжает.)

Кальвинисты. Равноправие! Нам не нужно такое равноправие! Мы истинная церковь, а они язычники!

Первый. А принцу Оранскому на это наплевать! У него своя вера, от каждой понемножку!

Второй. Он вообще ни во что не верит! Поэтому для него все равны!

Третий. Чтобы над всеми властвовать!

Первый. А знаете, где сейчас граф Эгмонт, его первый друг? — Он командует осадой Валансьена! Понятно, что это значит? — Наши братья погибнут все до одного!

Третий. Ну ничего! Наши католики за это ответят! За все ответят!

Первый (*второму*). Послушай-ка, если всех католиков поставить под ружье и добавить к ним наемных солдат — не будет ли их больше, чем нас?

Ночь. Лютеранский квартал. Ставни домов на запоре. По улице едет человек на коне и палкой стучит по ставням.

Человек. Эй, господа лютеране! Раньше за нашими спинами прятались, а теперь за ставнями отсиживаются! — Выходите нам на помощь, а не то поступим с вами, как с папистами!

В доме. Руководители лютеранской общины.

Первый лютеранин. Боже великий! Они же так и сделают!

Второй лютеранин. А если победят католики? Что им помешает кинуться на нас? — Мы для них те же протестанты! Тут уже не до различия в догматах!

Первый лютеранин. Мы должны вооружиться для защиты своих домов!

Второй лютеранин. Нам не хватит оружия!

Ратуша. Принц и магистрат.

Первый член магистрата. Можно ли доверять нашим солдатам? Почти все они или немцы, или швейцарцы! Конечно, они сочувствуют протестантам!

Второй. Придется нам самим взять оружие! Сейчас важен каждый человек! Располагайте нами, ваша светлость!

Вильгельм. Благодарю вас! Чем больше будет у нас людей, тем лучше! Особенно, если удастся избежать сражения!

Второй. Увы, это невозможно! Они разъярены до предела! (*Выпрямляясь.*) Ничего, будем надеяться на помощь свыше!

Вильгельм. Кальвинистов в Антверпене, если считать женщин и детей, будет сорок или пятьдесят тысяч! Вы хотите их всех уничтожить? — Чем они перед вами виноваты?

Первый. Сейчас поздно разбирать, кто перед кем виноват! Они ненавидят нас! Не знаю, может быть, и заслуженно! Но не можем же мы дать себя уничтожить! И никто не может!

Вильгельм. Разве кто-нибудь из вас давал согласие на сожжение живых людей? Нет! Вам это навязали так же, как и им! — А вы готовы взять это на себя!

Третий. Ваша светлость, что же вы предлагаете?

Вильгельм. Мириться! Мириться любой ценой! —

Поймите, вы даже юридически не имеете права воевать друг с другом! Вы подданные одного короля!

Третий. Ваша светлость, но вы же сами говорили, что собираетесь покинуть страну до приезда короля и нового наместника!

Вильгельм. И в мое отсутствие, и когда я вернусь, вы мне нужны живыми, а не мертвыми!

Входит ван Стрален.

Ван Стрален. Там депутация от лютеран!

Те же и представители лютеран.

Вильгельм. Сколько человек вы можете выставить?

Первый лютеранин. Если вы поможете нам оружием, ваша светлость, то около шести тысяч.

Вильгельм. Я могу вам помочь при одном условии — вы выступите на нашей стороне! — Нашей стороной в данном случае я называю католическое население и иностранных солдат, состоящих на службе магистрата.

Первый лютеранин. Ваша светлость, наше уважение к вам безгранично! Но вы должны нас понять! Кальвинисты, хоть и дошли до крайности, ближе к нам по вере. Католики действительно были к ним бесчеловечны! Кроме того, они и нас преследовали, как могли! — В Антверпене меньше, а в других местах (*испуганно взглядывает на членов магистрата*) — кто же этого не знает?

Ван Стрален. Но вы же пришли просить оружие!

Первый лютеранин. Мы хотим защищать своих детей, а не чужую веру!

Вильгельм. Вы хотите сказать, что будете защищать только самих себя? — Из этого ничего не выйдет! Вы слабее и тех, и других! Даже если вы примкнете к кальвинистам, вы не обеспечите им перевеса.

Вы хотите погибнуть сами, но перед этим истребить как можно больше своих врагов? — Берите оружие и поступайте как знаете!

Лютеране в замешательстве.

Первый лютеранин. Мы столько раз видели, как люди шли на смерть во имя веры!..

Вильгельм. Да, я тоже это видел! Но не вздумайте говорить, что те, кто их убивал, делали это во имя веры! Это делается только из ненависти! Не вера, а ненависть живет в ваших сердцах! Вы готовы принести ей в жертву весь этот город!

Все молчат.

Второй лютеранин. Нет, ваша светлость, мы этого не хотим!

Утро. Баррикада на Мейре. Кальвинисты готовятся к сражению.

Раздаются крики «Долой папистов!», «Да здравствуют гёзы!»

Крик дозорного. Они идут! Идут! Их тьма тьмушая!

Звук трубы.

Герольд. Брабантцы! Его светлость принц Оранский хочет говорить с вами!

Вильгельм. Вчера я приходил к вам без оружия — вы не захотели меня слушать! Сегодня у меня войско вдвое многочисленнее вашего! Может быть, вы станете сговорчивей.

Требования мои те же самые — выберите восемь депутатов, чтобы они от вашего лица вновь подтвердили Соглашение о религиозном мире!

Магистрат дает обязательство не впускать в Антверпен никаких гарнизонов! Всем гражданам, независимо от вероисповедания, гарантируется равная охрана закона!

Мы призываем обе стороны сложить оружие и объединиться для защиты этого города, всех его свобод и привилегий, особенно тех, которые дарует великая хартия «Радостный въезд»!

С обеих сторон устанавливается гробовая тишина.

Вильгельм (*громко*). Да здравствует король!

С криками «Да здравствует король!», «Да здравствует король!» католики и протестанты начинают складывать оружие.

Принц Оранский покидает Антверпен. Он медленно едет по улицам города.
Народ в глубоком молчании провожает его.

1982 г.

Елена Грантовна Степанян

Вильгельм Молчаливый

Макет и верстка Р. Р. Дименштейн
Редактор И. В. Ларикова
Оформление обложки М. М. Литвак
Корректор Л. М. Уланова

Подписано в печать 4.09.2013
Формат 60×90/16.
Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 10.

Издательство «Теревинф»
117334, Москва, ул. Косыгина, д. 5
для переписки: 119002, Москва, а/я 9
тел./факс: (495) 585 0 587
эл. почта: zakaz@terevinf.ru
сайт: www.terevinf.ru

Отпечатано в ООО «Книга по требованию»